

Сергей Своя

АТЛАН

Последний из фазтонцев

Земля. Память погибшей планеты

Сергей Свой АТЛАН. Последний из фаэтонцев

<https://litres.ru/74336283>

SelfPub; 2026

Аннотация

Во время археологической экспедиции на севере Сирии российский археолог Сергей Воронцов обнаруживает невозможное.

Под многотысячелетними слоями древнего поселения скрывается помещение, которого не может существовать.

Комната, созданная из неизвестного материала, который за тысячи лет не тронули ни время, ни коррозия.

Переступая её порог, Сергей неожиданно, почему-то, вспоминает слова египетского жреца, сказанные когда-то Солону, а позже записанные Платоном:

«О Солон... Вы, эллины, вечно остаётесь детьми. Вы не помните великих катастроф прошлого...»

В центре комнаты стоит странный саркофаг. Рядом лежит металлическая капсула размером с палец.

Стоит Сергею прикоснуться к ней, как древний механизм оживает.

Лёгкий укол...

И вместе с ним приходит память.

Его собственная.

По ночам ему начинает сниться мир, погибший задолго до рождения человеческой цивилизации. Мир Фаэтона. Он вспоминает себя помощником великого учёного Атлана — последнего, кто пытался спасти обречённый народ фаэтонцев.

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	31
Глава 3	57
Глава 4	78
Глава 5	100
Конец ознакомительного фрагмента.	108

АТЛАН. Последний из фаэтонцев

Глава

Глава 1

Комната, которой не должно быть.

Сергей Воронцов никогда не считал науку археологию - поиском сокровищ. Такое представление о его профессии осталось где-то в детстве, когда он, как и многие мальчишки, с увлечением читал о затерянных городах, тайных гробницах и загадочных цивилизациях прошлого.

С годами романтика сменилась пониманием того, насколько кропотливой и иногда даже скучной бывает настоящая работа историка. Большая часть находок, которые производили впечатление на людей далёких от науки, для специалиста становилась лишь маленькой деталью огромной картины. Осколок керамики мог рассказать о торговых связях древнего города, остатки фундамента — о привычках людей, следы огня в очаге — о том, чем они питались и как жили.

Прошлое не открывалось сразу.

Оно не лежало под землёй готовой книгой.

Его приходилось собирать по крупицам, осторожно соединяя обломки чужих жизней, чтобы попытаться понять людей, которые исчезли задолго до того, как появился ты сам.

Но были места, где это ощущение менялось.

Телль-Халаф был одним из таких мест.

Вечером, когда жара пустыни спадала, а над лагерем по-

степенно загорались первые звёзды, Сергей часто оставался возле раскопа дольше остальных. Не потому, что у него была привычка работать до ночи. Скорее потому, что именно в эти часы древнее поселение начинало казаться ему совсем другим.

Днём оно было просто археологическим объектом.

Ночью — местом, где когда-то жили люди, которое отчего-то его притягивало. Это было не первое место раскопов в его практике, но это почему-то влекло как магнитом.

Он стоял у края раскопа и смотрел вниз, где под светом переносных ламп осторожно работали несколько человек. Вокруг царила обычная вечерняя суета: кто-то собирал инструменты, кто-то обсуждал результаты дневной работы, из лагеря доносились голоса.

Но сам раскоп будто существовал отдельно от всего этого. Несколько тысяч лет назад здесь были дома.

Здесь ходили люди.

Здесь кто-то просыпался утром, спорил с соседями, растил детей, строил планы на будущее, не задумываясь о том, что однажды его жизнь станет всего лишь тонким слоем пыли под ногами другого человека.

Сергей всегда думал, что именно это и было самым удивительным в археологии.

Не древние камни.

Не редкие предметы.

А уверенное понимание того, что все эти люди когда-то

были такими же живыми, как и он.

— Сергей Александрович, вы опять решили ночевать среди руин?

Он обернулся и увидел Ахмеда.

Местный археолог улыбался, но в его взгляде было заметно напряжение.

— Нет, просто задумался.

— Это опасное занятие на раскопках, — пошутил Ахмед.
— Иногда после таких размышлений находят что-нибудь, что потом невозможно объяснить.

Сергей улыбнулся.

— Вы хотите сказать, что археологи сами создают себе проблемы?

— Именно.

Они несколько секунд молча смотрели вниз.

Потом Ахмед стал серьёзнее.

— Вы всё ещё думаете о той стене?

Сергей не ответил сразу.

Потому что думал.

С утра находка казалась обычной загадкой, которых на раскопках бывает немало. Рабочие обнаружили участок кладки ниже известного культурного слоя. Сначала предположили, что это часть более древнего сооружения. Потом начали осторожно освобождать поверхность.

И тогда стало понятно: перед ними не просто стена.

Она была ДРУГОЙ стеной.

Не потому, что выглядела необычно.

Наоборот — именно своей странной безликостью она и настораживала.

У неё не было украшений, надписей, символов, следов обработки, характерных для известных культур. Она не напоминала ни дворец, ни храм, ни погребальное сооружение.

Она просто существовала.

Словно её создали не для того, чтобы показать людям.

А чтобы скрыть что-то от них.

— Завтра нужно будет пригласить специалистов по материалам, — сказал Сергей.

— Вы думаете, это не древняя кладка?

— Я думаю, что пока не знаю, что это.

Ахмед посмотрел на него с удивлением.

— Вы впервые говорите «не знаю».

Сергей пожал плечами и улыбнулся.

— Значит, находка действительно интересная.

Позже, когда лагерь почти затих, Сергей снова вернулся к раскопу.

Он объяснял себе это профессиональным интересом. Ему хотелось ещё раз посмотреть на находку, пока были свежими первые впечатления. Хотелось понять, не ошибся ли он, не подсказывает ли воображение ситуацию сложнее, чем она есть на самом деле.

Но где-то глубже он чувствовал другое.

Его словно что-то тянуло туда, вниз.

Это чувство раздражало его.

Сергей был учёным. Он привык доверять фактам, а не предчувствиям и эмоциям.

Он не верил в мистику - был практиком до мозга костей.

Не верил в проклятия древних гробниц.

Не верил в то, что прошлое способно каким-то образом влиять на настоящее.

И всё же, когда он снова оказался перед гладкой поверхностью этой стены, ему на мгновение показалось, что он уже видел её.

Не здесь.

Не в этой пустыне.

А где-то очень далеко.

И очень давно.

Эта мысль была настолько нелепой, что он тут же отбросил её.

Человеческая память иногда играет странные шутки.

Особенно с теми, кто всю жизнь изучает прошлое.

Сергей ещё несколько минут стоял перед стеной, пытаясь понять, что именно в ней его тревожит.

В археологии существовало негласное правило: никогда не позволяй первому впечатлению заменить анализ. Самые удивительные открытия иногда оказывались обычными ошибками восприятия. Странная форма предмета могла объясниться особенностями обработки, необычный слой грунта — природным явлением, а загадочная находка через

несколько дней превращалась в совершенно понятную вещь.

Но здесь было другое.

Он не мог объяснить это ощущение даже самому себе.

Дело было не в необычном материале. Не в том, что стена не соответствовала привычным представлениям о древних сооружениях. Самым странным было отсутствие следов времени на ней.

Все древние вещи, которые ему доводилось видеть, несли на себе его следы. Даже самые прочные материалы подчинялись законам физики и химии. Камень разрушался, металл покрывался налётом, краски выцветали, дерево превращалось в прах.

Время всегда оставляло автограф.

А здесь его не было.

Словно тот, кто создал эту стену, не пытался победить время, а просто находился вне его власти.

Сергей провёл рукой по поверхности и неожиданно почувствовал лёгкую вибрацию.

Он тут же отдёрнул руку.

Ощущение было настолько неожиданным, что он даже посмотрел на ладонь, будто надеялся увидеть какое-то объяснение.

Но ничего не произошло.

Обычная рука, обычного человека.

И обычная ночь в сирийской пустыне.

Только перед ним стояло нечто, чего не должно было су-

ществовать. По крайней мере - в таком виде.

К утру вокруг раскопа уже собралась вся экспедиция.

Новость о неизвестном помещении распространилась быстро. Археологи, люди обычно спокойные и привыкшие скрывать эмоции, на этот раз не могли полностью скрыть возбуждение.

Однако Сергей старался держаться привычно.

Он понимал: самое опасное состояние для исследователя — это момент, когда он начинает хотеть, чтобы находка оказалась именно такой, какой он её представляет.

Наука начинается там, где заканчиваются желания.

Поэтому он снова и снова задавал себе один и тот же вопрос:

Что именно они нашли?

Ответа пока не было.

После дополнительной очистки стало понятно, что за стеной действительно находится помещение. Небольшое, полностью изолированное от внешнего мира. Каким образом оно сохранилось — оставалось загадкой.

Самое странное обнаружилось при попытке определить возраст материала.

Первые результаты вызвали недоумение.

Они не подтверждали ничего.

Именно это было самым тревожным.

Не ошибка и не неожиданное значение, а отсутствие объяснения.

Материал словно не вписывался в привычную систему.

Когда незаметная дверь в помещение открылась от нажатия в угаданную случайно, наощупь, точку, никто не произнёс ни слова.

Даже люди, которые до этого пытались шутить и строить предположения, вдруг замолчали.

Сергей потом вспоминал, что именно эта тишина запомнилась ему сильнее всего.

Не удивление и не страх, а тишина.

Словно все одновременно почувствовали, что находятся перед чем-то, что требует не восторга, а осторожности.

Внутри помещения было темно.

Приготовленные фонари осветили стены и Сергей первым сделал шаг вперёд.

Воздух в помещении был неподвижным, но не затхлым. Не было запаха сырости, плесени, древней земли. Казалось невозможным, что это место было закрыто тысячелетиями.

Он медленно осматривался.

Комната не напоминала ни одно известное ему археологическое сооружение - просто комната.

Если бы здесь находились драгоценности, статуи или предметы власти, всё было бы проще. Тогда можно было бы искать аналогии, сравнивать, строить гипотезы.

Но здесь не было ничего, что говорило бы о богатстве или величии.

В центре помещения находился предмет, похожий на сар-

кофаг.

Но Сергей почти сразу понял, что это не могло быть обычным саркофагом.

В нём не было ничего погребального.

Он не был создан для мёртвого тела.

Скорее, он напоминал устройство, назначение которого люди его эпохи просто не могли бы понять.

Рядом находились несколько предметов неизвестного назначения. Они были слишком сложными для древних инструментов и слишком простыми для того, чтобы выглядеть случайным набором деталей.

А возле дальней стены лежала небольшая металлическая капсула.

Сергей заметил её почти случайно.

Он даже не смог бы объяснить, почему именно она привлекла его внимание.

В ней не было ничего впечатляющего.

Она была меньше ладони.

Гладкая, без надписей и без символов.

Но когда он посмотрел на неё, внутри вдруг возникло странное чувство узнавания.

Не мысль и не воспоминание, а именно узнавание.

Как бывает, когда встречаешь человека после долгой разлуки и понимаешь: ты его знаешь, хотя не можешь сразу вспомнить имя.

Сергей наклонился и осторожно поднял капсулу.

В этот момент в его сознании неожиданно возник образ старой книги.

Он вспомнил страницы, которые когда-то читал ещё в университете.

Платон.

«Тимей».

Рассказ Солона о разговоре с египетским жрецом.

Почему именно это?

Он сам не понимал.

Но слова словно всплыли из глубины памяти:

«Вы, эллины, всегда останетесь детьми. У вас нет древней памяти, ибо много раз уничтожались люди великими бедствиями...»

Сергей нахмурился.

Странная мысль.

Почему вспомнилось это именно сейчас?

Почему именно здесь?

Может потому, что эта комната каким-то образом была связана с той древней легендой?

Нет.

Он тут же отверг эту мысль.

Археолог не должен превращаться в человека, который ищет подтверждение придуманной им же красивой истории.

Но капсула в его руке вдруг стала чуть теплее.

И прежде чем он успел её отпустить, Сергей почувствовал лёгкое прикосновение к пальцу.

Он даже не сразу понял, что произошло.

Не было боли.

Только короткое ощущение, будто что-то чужое коснулось его сознания.

А потом мир вокруг начал исчезать.

Не резко.

Не как в обмороке.

Скорее, словно перед его глазами начали открываться двери, которые были закрыты не несколько минут, а тысячи лет.

И за ними находилось не чужое прошлое.

А память. Его память.

Сергей ожидал чего угодно, но только не того, что произошло.

Он думал, что почувствует холод металла, может быть, лёгкую вибрацию неизвестного механизма, услышит какой-нибудь звук, который поможет понять назначение странного предмета. Он даже был готов к тому, что внутри капсулы окажется что-то вполне объяснимое — образец древнего материала, носитель информации или часть неизвестного устройства, которое когда-нибудь удастся изучить.

Но он никак не ожидал, что прикосновение к ней изменит не окружающий мир, а его самого.

Первое мгновение не было похоже ни на боль, ни на удар. Скорее, это было ощущение внезапного нарушения привыч-

ного порядка вещей, когда человек ещё находится в прежней реальности, но уже понимает, что она начинает уходить куда-то в сторону.

Сергей почувствовал лёгкое покалывание в пальцах, затем странное тепло, которое словно поднялось вверх по руке и коснулось сознания. Он хотел разжать пальцы, бросить капсулу на пол, позвать кого-нибудь из коллег, но почему-то не сделал этого.

Не потому, что не мог.

А потому, что в эту секунду его внимание захватила другая мысль.

Ему вдруг показалось, что не он держит неизвестный предмет в руке.

Ему показалось, что этот предмет держал его.

На короткое мгновение он перестал ощущать собственное тело. Не исчезло сознание, не было темноты или забытья — наоборот, всё вокруг стало невероятно ясным. Только эта ясность принадлежала уже не тому миру, в котором он жил.

Перед ним возникло не изображение.

Возникло пространство.

Первым пришло ощущение воздуха.

Сергей не видел его, но чувствовал. Он понимал, что дышит совершенно иной атмосферой, другого состава, что вокруг него находятся другие условия, другой мир, другая планета. И самое удивительное было в том, что это не казалось ему чужим.

Человек, оказавшийся впервые в незнакомом месте, всегда ощущает разницу. Даже если он попадает в страну, где никогда не был, он замечает чужие запахи, непривычные звуки, особенности людей.

Но здесь этого не было.

То место, которое открылось перед ним, не казалось чужим.

Оно казалось забытым.

Словно где-то очень глубоко внутри него уже существовала память о нём, просто до этого момента она была недоступна.

Он стоял на площади огромного города.

Первое, что поразило Сергея, было не величие построек и не невероятная сложность окружающего мира. Хотя, подсудно, он ожидал увидеть именно это — фантастические сооружения, машины, технологии, всё то, что человеческое воображение связывает с далёкими цивилизациями.

Но вместо этого он увидел людей.

Обычных людей.

Да, они были другими. Он чувствовал это сразу. Их одежда, их движения, их возможности не имели ничего общего с тем, что он привык видеть на Земле. Но лица оставались лицами.

На них отражались те же чувства.

Усталость.

Радость.

Любопытство.

Страх.

И именно это испугало Сергея больше всего.

Потому что он вдруг понял: эта цивилизация не была легендой, случайно попавшей ему в голову.

Не была сказкой, не была фантазией древних - она жила, она любила, она надеялась на будущее.

А значит, она могла погибнуть.

Память приходила постепенно.

Не как рассказ, который кто-то показывал ему со стороны, а как собственная жизнь, которую он вдруг начал вспоминать после долгого забвения.

Он почувствовал свои руки.

Не руки Сергея Воронцова — учёного, привыкшего держать в них археологические инструменты, фотографии древних находок и карандаш для записей.

Другие руки.

Он знал, как ими работать.

Знал, какие приборы перед ним находятся.

Знал людей, которые проходили рядом.

Он не мог объяснить этого, но внутри него появилось спокойное, почти ужасающее понимание: он здесь уже был.

Когда-то, очень давно.

Он не смотрел на этот мир глазами наблюдателя - он жил в нём.

Перед ним возникло помещение, похожее на лаборато-

рию.

Сергей — или тот, кем он сейчас был — стоял возле большого прозрачного экрана и просматривал расчёты. Он понимал смысл сложнейших формул, хотя никогда в своей земной жизни не изучал ничего подобного.

Но знания не были главной частью этого воспоминания. Главным было чувство тревоги.

Та самая тревога, которую он иногда испытывал, глядя на современные новости, на войны, на безрассудство людей, но никогда не мог объяснить.

Теперь он понял.

Это была не его тревога.

И в то же время — его.

Она пришла из глубины памяти, которая была старше его собственного рождения.

В дверях появился человек.

Сергей сразу понял, кто это.

Не потому, что кто-то произнёс имя - просто он знал.

Перед ним стоял Атлан.

В Атлане не было ничего от властителя.

Он, похоже, ожидал увидеть человека, которого легенды могли бы превратить в божество: холодного, недосягаемого, окружённого почётом и страхом.

Но Атлан выглядел иначе.

В его лице была усталость.

Не физическая.

Такая усталость бывает у людей, которые слишком долго несут ответственность не только за себя.

Он посмотрел на расчёты и долго молчал.

— Ты всё ещё надеешься найти решение? — спросил он.

И Сергей услышал собственный ответ.

Не услышал - вспомнил.

— Надежда закончилась давно, Атлан. Осталось только выполнить то, что должно быть сделано.

Слова прозвучали спокойно.

Но за ними стояла такая боль, что Сергей почувствовал её почти физически.

Он понял: этот человек уже знает правду.

Спасти Фаэтон невозможно.

И тогда пришёл другой образ.

Не сразу.

Сначала Сергей увидел людей, которые спорили.

О будущем.

О спасении.

О том, кто имеет право решать судьбу остальных.

Потом он увидел того, кого на этой погибающей планете называли почти священным именем.

Богом.

Но в памяти Атлана это слово звучало иначе.

Не как признание величия.

А как предупреждение.

Потому что человек, которому начинают поклоняться,

очень быстро перестаёт видеть границу между собственными желаниями и судьбой целого мира.

Он увидел высокие залы.

Услышал голоса.

Увидел, как предупреждения учёных отвергались.

Как гордость становилась сильнее разума.

Как один человек, уверенный в своей непогрешимости, постепенно привёл мир к катастрофе.

А потом Сергей увидел небо.

И понял, что смотрит на конец целой цивилизации.

Фаэтон умирал.

Не сразу и не мгновенно.

И, возможно, именно это было самым страшным.

Планета, которая ещё вчера была домом миллиардов существ, превращалась в место смерти.

Горели города, исчезали моря, разрушались сооружения, которые казались вечными.

А среди всего этого хаоса Атлан продолжал бороться.

Не за прошлое - за будущее.

За тех, кто ещё мог жить.

Когда Сергей открыл глаза, он долго не мог понять, где находится.

Перед ним снова была древняя комната в древней сирийской земле.

Вокруг него суетились люди.

Кто-то говорил его имя, кто-то пытался помочь ему под-

няться.

Но всё это казалось далёким и ненастоящим.

Потому что внутри него всё ещё оставалась другая жизнь.

Другая планета и другой человек.

Он посмотрел на капсулу, лежавшую рядом.

И впервые произнёс имя, которого никогда прежде не знал:

— Атлан...

Он сказал это тихо.

Но в этой древней комнате оно прозвучало так, словно его уже произносили здесь тысячи лет назад.

В памяти Сергей увидел не битву и не разрушение. Не огонь, не падающие города и не последние минуты погибающей планеты.

Он увидел начало.

Ту эпоху, когда Фэтон ещё был велик.

Когда его города сияли среди зелёных равнин, когда учёные умели управлять материей, когда болезни считались пережитком прошлого, а смерть — лишь временной остановкой на пути разума.

Фэтонцы действительно приблизились к тому, о чём когда-то мечтали все разумные существа.

Они победили многое.

Слишком многое.

Они научились сохранять память человека, переносить

сознание, создавать новые формы жизни. Они могли изменять тело, продлевать существование, путешествовать между мирами.

И тогда произошло то, что случалось уже не раз в истории разумных существ.

Они начали верить, что стали выше природы.

Сергей видел огромный зал, где собирались хранители знаний. Там решались судьбы целых народов. Когда-то в этом зале спорили учёные, философы и исследователи. Но постепенно среди них появился тот, чьё слово стало весомее всех остальных.

Сначала его уважали.

Потом ему доверяли больше всех, а потом начали поклоняться.

Его называли Бессмертным.

Не потому, что он был настоящим богом.

А потому, что сами фазетонцы сделали его им.

Он был великим учёным. Именно он когда-то спас миллионы жизней, когда предложил новые способы лечения и защиты планеты. Его открытия изменили цивилизацию. Люди смотрели на него с благодарностью.

Но постепенно благодарность превратилась в поклонение.

А поклонение породило уверенность в собственной исключительности.

Сергей чувствовал, как память наполняется горечью.

Потому что самое страшное заключалось не в том, что

этот человек был безумцем.

Нет.

Он не был безумцем.

Он был умным.

Он был образованным.

Он искренне верил, что действует во благо.

И именно поэтому его невозможно было остановить.

— Мы должны принять решение за всех, — говорил Бесмертный. — Разумное существо не может позволить хаосу управлять будущим. Кто-то должен направлять развитие.

Ему отвечали:

— Но кто дал тебе право решать за остальных?

И тогда он произносил слова, от которых у Сергея холодело внутри:

— Те, кто понимает больше, несут ответственность за тех, кто понимает меньше.

Это звучало разумно и почти благородно.

Но за этими словами уже скрывалась пропасть.

Потому что человек, который решил, что знает больше всех, однажды перестаёт слышать других.

А человек, который перестал слышать других, рано или поздно начинает считать их препятствием.

Атлан долго пытался убедить его.

Он показывал расчёты.

Доказывал опасность.

Говорил, что даже самая развитая цивилизация погибнет,

если потеряет способность сомневаться в себе.

Но Бессмертный уже никого не слышал.

Он видел перед собой не предупреждения - он видел сопротивление.

Он был уверен, что все, кто спорит с ним, просто не способны понять величие его замысла.

— Вы боитесь будущего, — сказал он Атлану. — А я создаю его.

И тогда Атлан ответил:

— Нет. Ты создаёшь не будущее. Ты создаёшь мир, в котором никто больше не сможет сказать тебе, что ты ошибаешься.

И именно тогда Сергей понял самое страшное - катастрофа Фазтона началась не в тот день, когда в небе появилась гибельная тень уничтожения.

Не тогда, когда начали рушиться города.

Не тогда, когда планета содрогнулась от первого удара.

Она началась намного раньше.

В тот день, когда разумные существа решили, что один разум может заменить собой всех остальных.

Когда Сергей вернулся из памяти Атлана, ему ещё долго казалось, что он слышит голос того человека.

Голос, который когда-то звучал для миллионов как голос спасителя.

А потом стал голосом погибшей цивилизации.

И впервые Сергей подумал:

Может быть, древняя легенда о богах, уничтоживших великий город, была не легендой?

Может быть, люди действительно сохранили память.

Только забыли её смысл.

Сергей долго не мог понять, где находится.

Сознание возвращалось медленно, словно он поднимался из глубины огромного океана. Сначала исчезли звуки другого мира. Потом ушло ощущение чужого воздуха, чужого тела, чужой памяти, которая ещё несколько мгновений назад казалась ему собственной.

Осталась только холодная каменная комната под сирийской землёй.

Слабый свет фонарей.

Встревоженные лица людей вокруг.

Чей-то голос, который настойчиво повторял его имя.

— Сергей Александрович, вы меня слышите?

Он хотел ответить сразу, сказать, что всё нормально, что это просто реакция организма, усталость, стресс, что он сам не понимает, что произошло.

Но слова не приходили.

Потому что вместе с возвращением в настоящий мир в нём осталось то, чего не могло быть.

Память.

Не знание, не теория и не догадка, а именно память.

Он знал, как выглядели города Фаэтона перед гибелью.

Помнил голос Атлана.

Знал страх людей, которые слишком поздно поняли свою ошибку.

И самое страшное — он знал, что всё это уже когда-то происходило.

Сергей медленно посмотрел на стены комнаты.

Тысячи лет они хранили эту тайну.

Тысячи лет человечество ходило по земле, строило города, создавало государства, начинало войны и забывало собственную историю.

А где-то под слоями земли лежало свидетельство того, что до нас уже была цивилизация.

Не примитивная, не мифическая, а настоящая.

И она исчезла не потому, что была слабой.

Она исчезла потому, что стала слишком уверенной в собственной силе.

Его взгляд остановился на капсуле.

Теперь он понимал: это было не устройство для передачи знаний.

Не архив и не послание.

Это было нечто гораздо страшнее.

Кто-то сохранил не информацию.

Кто-то сохранил человека.

В этот момент Сергей заметил странность.

На внутренней поверхности капсулы, которую он всё ещё держал в руке, появилась тонкая линия света.

Он замер.

До этого на металле не было ничего - ни знаков, ни надписей.

Но теперь медленно проявлялись символы.

Он не знал этого языка.

Никогда его не изучал.

Но прочитал.

Потому что память Атлана уже была внутри него.

И там было всего несколько слов.

Сергей, прочтя их, почувствовал, как внутри всё похолодело.

Потому что эти слова были обращены не к фаэтонцам.

Не к людям прошлого.

Они были написаны для тех, кто найдёт капсулу после гибели Фаэтона.

Для тех, кто придёт потом.

Для него.

«Если ты читаешь это, значит Земля ещё жива.

Но память снова начала исчезать».

Сергей поднял голову.

За пределами древней комнаты лежала чёрная сирийская ночь.

Там были звёзды.

Те же самые звёзды, которые видели фаэтонцы.

Те же самые звёзды, под которыми когда-то погибал их мир.

И среди них одна была особенно яркой.

Он не знал почему, но сердце вдруг сжалось.
Потому что где-то в глубине памяти он услышал имя.
Не земное, древнее - имя погибшей планеты.
Фазтон.

И тогда впервые за всю жизнь Сергей Воронцов подумал:
А что, если человечество не впервые идёт по этой дороге?

Глава 2

Сад

Ночь над африканской саванной отступала медленно и неохотно. Казалось, она вовсе не собиралась уходить, а лишь осторожно разжимала пальцы, выпуская землю из своих объятий. На востоке уже светлело, но солнце еще пряталось за далеким горизонтом, и потому мир вокруг оставался наполненным тем особенным предутренним спокойствием, которое бывает лишь там, где человек еще не успел нарушить дыхание природы.

Высокая трава, напитавшаяся ночной влагой, серебрилась бесчисленными каплями росы. Легкий ветерок, пробегая по саванне, перекачивал ее длинными волнами, и тогда казалось, будто сама земля дышит глубоко и размеренно. Где-то совсем рядом негромко перекликались птицы. Им отвечали обезьяны, проснувшиеся в кронах огромных деревьев. Издалека доносился тяжелый рык льва, и почти сразу ему вторил встревоженный крик антилоп.

Гор любил этот час.

Наверное, потому, что именно в такие минуты Земля меньше всего напоминала чужую планету.

Он стоял на невысоком каменном уступе возле большого белого здания и молча смотрел, как над горизонтом медленно растворяются звезды. Каждое утро он невольно искал гла-

зами ту, которую никогда нельзя было увидеть отсюда. Там, далеко, за миллиардами километров, когда-то сиял Фаэтон.

Теперь его не было.

Официально Совет еще запрещал произносить слово «погиб». Даже здесь, на Земле, следовало говорить иначе: «утрачена связь», «идут восстановительные работы», «эвакуация продолжается». Но никого из тех, кто жил в Саду, уже нельзя было обмануть подобными словами.

Слишком давно не приходили транспортные корабли.

Слишком редко удавалось установить связь.

И слишком тяжелым становилось лицо Атлана всякий раз, когда он выходил из зала дальней связи.

Гор отвернулся от горизонта и посмотрел на здание за своей спиной.

Оно было длинным, невысоким и удивительно простым. Ни одной лишней линии, ни одного украшения. Светлый материал стен казался теплым даже в предрассветных сумерках. За многие годы на нем не появилось ни единой трещины, хотя сезон дождей сменялся палящим солнцем уже бесчисленное число раз.

Атлан однажды сказал, что здания должны жить дольше людей.

— Если дом начинает стареть раньше своего хозяина, значит, архитектор плохо сделал свою работу.

Гор тогда улыбнулся. Ему казалось странным, что величайший генетик Фаэтона рассуждает о строительстве с такой

же увлеченностью, как о наследственности или устройстве человеческого мозга.

Лишь позже он понял: для Атлана не существовало второстепенных дел. Любое дело, за которое брался человек, следовало выполнять так, чтобы потом не пришлось за него краснеть.

Сад уже просыпался.

Из жилых корпусов выходили воспитатели. Где-то хлопнула дверь. Послышался детский смех. Над деревьями медленно поднялась стая белых птиц и, сделав круг над долиной, исчезла за рекой.

Именно эти звуки больше всего любил Атлан.

— Пока смеются дети, у цивилизации есть будущее, — говорил он. — Всё остальное можно построить заново.

Когда Гор впервые оказался здесь, он долго не мог понять, почему научный комплекс называется Садам. На Фаэтоне подобные учреждения имели длинные официальные названия, состоявшие из множества научных терминов. Здесь же никто никогда не произносил даже слова «лаборатория».

Однажды он все-таки спросил об этом.

Атлан тогда долго молчал, словно подбирал самые простые слова для ответа.

— Лаборатория, — наконец сказал он, — место, где изучают жизнь. А здесь мы стараемся ей помочь. Разве садовник изучает дерево? Нет. Он поливает его, защищает от болезней, подрезает сухие ветви и терпеливо ждет, когда оно

само потянется к солнцу. Вот и мы должны быть не хозяевами Земли, а ее садовниками.

С тех пор Гор никогда больше не задавал этого вопроса. Он и сам начал называть комплекс Садом.

Каждый новый день здесь был похож на предыдущий, и вместе с тем никогда не повторялся. В просторных светлых помещениях росли дети, родившиеся уже на Земле. Они свободно бегали босиком по теплой траве, ловили бабочек, дрались, мирились, учились говорить, строить жилища, ухаживать за животными и возделывать землю.

А по вечерам Атлан подолгу сидел рядом с ними у костра и рассказывал истории.

Не о Фаэтоне.

Никогда.

Он рассказывал им о реках, птицах, звездах, о дружбе и честности, о том, почему нельзя убивать без нужды и почему человек всегда отвечает за того, кто слабее его.

Гор однажды не выдержал.

— Почему ты ничего не рассказываешь им о нашей родине?

Атлан долго смотрел на пламя, прежде чем ответить.

— Потому что они должны любить этот мир, а не тот, которого уже нет.

Эти слова тогда показались Гору слишком суровыми.

Лишь годы спустя он понял, сколько боли скрывалось за этим спокойным голосом.

Над саванной медленно поднималось солнце.

Его первые лучи коснулись прозрачного шлема, который лежал на каменном столике возле входа.

Гор машинально взял его в руки.

Тончайшая прозрачная сфера почти ничего не весила. Если смотреть на нее под одним углом, она вовсе исчезала, и лишь легкая голубоватая кайма выдавала ее очертания.

Без такого шлема ни один фаэтонец не мог долго жить на Земле.

Воздух новой планеты был богат кислородом, но в нем не хватало нескольких газов, к которым за миллионы лет привык их организм. Именно поэтому все прибывшие носили эти почти невидимые защитные сферы.

Иногда Гору становилось любопытно, как видят их люди.

Наверное, со стороны казалось, будто вокруг головы каждого фаэтонца светится прозрачный круг.

Он еще не знал, что через тысячи лет человеческая память сохранит этот образ, превратив его в сияющий нимб над головами святых.

За его спиной негромко скрипнула дверь.

— Ты опять встречаешь рассвет раньше солнца, Гор?

Он обернулся.

На пороге стоял Атлан.

И впервые за много дней улыбался.

Атлан вошёл во двор и некоторое время молча смотрел туда же, куда несколько минут назад смотрел Гор.

За последние годы он изменился.

Гор помнил его совсем другим — уверенным, почти недосягаемым учёным Фаэтона, человеком, чьё имя знали во всех научных центрах планеты. Тогда вокруг Атлана всегда были люди, приборы, бесконечные совещания. Он говорил быстро, спорил, доказывал, требовал новых расчётов и мог среди ночи разбудить коллег только потому, что ему в голову пришла новая идея.

Теперь он стал тише.

Но не слабее.

Просто за каждым его спокойным словом теперь стоял такой груз воспоминаний, который не смог бы вынести, наверное, никто другой.

— Ты смотрел на небо, — сказал Атлан.

Это был не вопрос.

Гор немного смутился.

— Да.

— И снова пытался найти его?

Гор ничего не ответил.

Не нужно было объяснять, о чём идёт речь.

Атлан вздохнул и присел на низкий каменный выступ рядом.

— Знаешь, Гор, когда человек теряет родину, первое время он всё время смотрит туда, где она была. Даже если понимает, что там уже ничего нет.

Он провёл рукой по поверхности камня, словно ощущая

его холод.

— Но потом приходит понимание. Родина — это не место.
Гор посмотрел на него.

— А что же?

Атлан поднял взгляд на просыпающуюся долину.

— То, что ты готов сохранить.

Они некоторое время молчали.

Внизу уже начиналась обычная жизнь Сада. Несколько мальчиков помогали взрослым переносить корзины с фруктами. Девушки возле небольшого водоёма сортировали растения. Воспитатели собирали младших детей на утренние занятия.

Со стороны всё это выглядело просто.

Почти обыденно.

Но Гор знал, сколько труда и знаний стояло за каждым человеком, живущим здесь.

Когда-то они были обычными детьми из древних земных племён. Они не знали ни письма, ни счета, ни того, что над ними бесконечная Вселенная, полная других миров.

Теперь они изучали движение планет, выращивали растения, строили механизмы и задавали вопросы, которые когда-то задавали сами фаэтонцы.

Именно это больше всего радовало Атлана.

Не приборы.

Не здания.

Не технологии.

Люди.

— Сегодня придёт новая группа, — сказал Атлан.

Гор кивнул.

Он уже знал.

Последние несколько месяцев они готовили двадцать восемь взрослых и пятнадцать детей. Они должны были покинуть Сад и отправиться туда, где через несколько поколений появится новый народ.

— Куда на этот раз?

— Южнее.

Атлан поднялся и посмотрел на дальнюю часть долины, где над деревьями едва заметно виднелся серебристый корпус транспортного шатла.

— Там хороший климат. Есть реки. Земля плодородная. Они смогут жить самостоятельно.

Гор задумался.

— Они будут помнить нас?

Атлан улыбнулся чуть грустно.

— Первое время — да.

— А потом?

— Потом они будут помнить не нас.

— А кого?

— Себя.

Гор нахмурился.

— Разве это не одно и то же?

Атлан посмотрел на него внимательно.

— Нет.

Он говорил медленно, словно хотел, чтобы каждое слово осталось в памяти ученика.

— Если народ всю жизнь смотрит назад и ждёт помощи от тех, кто его создал, он никогда не станет свободным. Мы должны дать им не поклонение, Гор. Мы должны дать им возможность забыть нас.

Гор невольно посмотрел на прозрачный шлем, лежавший рядом.

Он вспомнил Атлантиду.

Тех, кто там остался.

Тех, кто уже начал использовать знания не для помощи, а для власти.

— Но ведь некоторые хотят другого, — тихо сказал он.

Лицо Атлана стало серьёзным.

Он понял, о ком идёт речь.

— Да.

Всего одно слово.

Но в нём было больше, чем в длинной речи.

— Они считают, что люди слишком слабы, чтобы выбрать собственный путь.

— И они ошибаются?

Атлан посмотрел на детей, которые сейчас бегали по траве.

— Самая большая ошибка любого учёного — решить, что он лучше знает, кем должна стать жизнь.

Гор опустил взгляд.

Он много раз слышал подобные слова.

Но именно сейчас почему-то почувствовал тревогу.

Потому что где-то далеко, за океаном, на острове, который люди будущего назовут Атлантидой, были другие фэ-тонцы.

Они тоже обладали знаниями.

Они тоже могли поднять в воздух каменную глыбу.

Они тоже могли остановить болезнь или изменить живой организм.

Но они всё чаще задавали другой вопрос:

не «как помочь?»

а:

«как заставить?»

После завтрака Гор отправился вместе с Атланом в главный зал Сада.

Там уже собрались остальные исследователи.

На большом прозрачном экране отображалась карта Земли.

Голубая планета медленно вращалась перед ними.

Гор всегда удивлялся этому зрелищу.

Сверху Земля казалась такой маленькой и хрупкой.

Невозможно было поверить, что на этой прекрасной сфере люди способны ненавидеть друг друга.

Атлан подошёл к карте.

— Следующая группа отправляется туда.

На поверхности планеты появилась отметка.

— Они будут первыми.

Кто-то из учёных поднял голову.

— Первыми?

Атлан кивнул.

— Первыми в этом регионе.

Гор смотрел на светящуюся точку и вдруг понял: они не просто отправляют людей.

Они рассевают будущее.

Как семена.

Только вместо земли — целая планета.

И впервые за долгое время ему стало немного легче от мысли, что, возможно, гибель Фаэтона была не концом.

Возможно, где-то среди этих новых людей однажды появится цивилизация, которая сделает то, чего не смогли сделать они.

Не построит великие города.

Не создаст бессмертие.

А просто научится не уничтожать собственный мир.

За прозрачными стенами Сада поднялся ветер.

И где-то очень далеко, в глубинах космоса, среди холодных обломков погибшей планеты, продолжал лететь камень, которому предстояло однажды изменить историю Земли.

Иногда Гору казалось, что Атлан специально выбрал для своего нового дома самое обычное место.

Не высокие горы, не побережье с бесконечным горизон-

том, не остров, окружённый водой, который легко превратить в крепость.

Просто земля.

Тёплая, влажная, живая.

Здесь не было ничего, что напоминало бы Фаэтон.

И, наверное, именно поэтому Атлан любил это место.

После гибели родного мира он мог бы попытаться сохранить хотя бы часть прошлого. Построить вокруг себя маленький кусочек исчезнувшей цивилизации, окружить себя привычными зданиями, приборами, искусственным светом.

Но он отказался.

— Нельзя спасти прошлое, построив его копию, — сказал он однажды Гору. — Можно только сохранить его смысл.

Смысл для Атлана был прост.

Жизнь должна продолжаться.

Не как продолжение Фаэтона.

Не как его колония.

Не как памятник погибшим.

А как новый путь.

Именно поэтому здесь появился Сад.

Сначала это был только небольшой комплекс, где Атлан проводил исследования. Потом появились первые дети. Затем первые семьи. Потом дома, поля, мастерские.

С каждым годом Сад всё меньше напоминал научный центр и всё больше — поселение людей, которые никогда не знали другого мира.

Гор часто наблюдал за ними и ловил себя на странном ощущении.

Эти люди были похожи на фаэтонцев.

И одновременно совсем не похожи.

Они не знали древних войн.

Не знали борьбы великих домов.

Не знали гордости цивилизации, которая однажды решила, что ей позволено всё.

Они смеялись проще.

Радовались искреннее.

И задавали вопросы, которые на Фаэтоне давно перестали задавать.

Почему?

Зачем?

А что будет, если сделать иначе?

Атлан считал это самым ценным.

— Разум начинается не с ответов, — говорил он. — Он начинается с умения задавать правильные вопросы.

Гор запомнил эти слова на всю жизнь.

Потому что видел другое.

В Атлантиде тоже были ответы.

Там знали, как поднять огромный камень без усилий.

Как изменить свойства материала.

Как управлять силой, которую земные люди даже не могли представить.

Но всё чаще там забывали спрашивать — а имеют ли они

право это делать?

О существовании Атлантиды в Саду старались говорить редко.

Не потому, что Атлан скрывал её.

Просто он не хотел, чтобы дети выросли с ощущением, будто где-то существует место, где живут настоящие хозяева мира.

Для него это было главным различием между двумя оставшимися очагами фаэтонцев.

Сад смотрел в будущее.

Остров смотрел назад.

Там всё ещё сохраняли старые порядки.

Там оставались те, кто считал себя наследниками погибшей цивилизации.

И среди них был человек, которого земные жители когда-нибудь назовут богом.

Хотя сам он никогда не называл себя так.

Его называли другие.

Потому что для людей, которые не понимают природу силы, тот, кто владеет ею, становится выше человека.

Атлан это понимал.

И именно поэтому боялся.

Однажды вечером, когда они сидели у костра, Гор спросил:

— Почему ты не заберёшь людей с Острова сюда?

Атлан долго смотрел на огонь.

— Потому что нельзя заставить кого-то стать свободным.

— Но если они ошибаются?

— Тогда они должны сами понять это.

Гор нахмурился.

— Даже если из-за их ошибки могут погибнуть другие?

Лицо Атлана стало серьёзным.

— Вот здесь начинается самая трудная граница, Гор.

Он взял небольшую ветку и провёл линию в земле.

— Один человек говорит: "Я знаю, как правильно. Поэтому я заставлю остальных жить правильно".

Атлан посмотрел на него.

— И в этот момент он уже перестаёт отличаться от тех, против кого боролся.

Гор молчал.

Потому что понимал.

Он говорил не только об Атлантиде.

Он говорил о Фаэтоне.

О Единоме.

О той дороге, которая однажды привела целый мир к гибели.

В ту ночь над Садом было особенно ясное небо.

Гор лежал на траве и смотрел на звёзды.

Где-то среди них был его родной мир.

Вернее — то, что от него осталось.

Но впервые за много лет он не чувствовал только боль.

Потому что рядом были люди.

Не фаэтонцы.

Не копии.

Не продолжение прошлого.

Новые люди.

И, возможно, именно ради них Атлан всё ещё продолжал жить.

Прошло несколько лет после того, как первые жители Сада отправились к новым землям.

Для Гора эти годы пролетели незаметно. Он даже не сразу понял, что перестал быть тем молодым помощником Атлана, который когда-то только наблюдал за работой учителя и старался запомнить каждое его слово.

Теперь к нему приходили другие.

Спрашивали.

Советовались.

Иногда даже спорили.

И это радовало Атлана больше всего.

Однажды вечером, когда они вместе обходили посадки возле реки, он сказал:

— Знаешь, Гор, раньше я думал, что главное в развитии народа — передать ему знания.

Гор улыбнулся.

— А теперь думаешь иначе?

— Теперь я думаю, что знания — это только инструмент.

Атлан остановился возле молодого дерева, которое росло чуть в стороне от остальных.

— Можно дать человеку самые совершенные инструменты во Вселенной. Но если он не понимает, зачем они ему нужны, он станет только опаснее.

Гор посмотрел на дерево.

— Ты говоришь об Атлантиде?

Атлан не ответил сразу.

Ветер прошёл по траве, и на несколько мгновений вокруг них стало слышно только тихое движение листьев.

— Я говорю о Фаэтоне.

Гор опустил взгляд.

Он знал, что Атлан почти никогда не называл виновных.

Даже теперь.

Даже после гибели мира.

Он не говорил: "они разрушили".

Не говорил: "они ошиблись".

Он говорил: "мы".

Потому что считал себя частью той цивилизации.

И потому что понимал: самые страшные ошибки редко принадлежат одному человеку.

Они появляются тогда, когда тысячи людей перестают сомневаться.

— Иногда мне кажется, — продолжил Атлан, — что мы погибли задолго до того, как разрушилась планета.

Гор посмотрел на него.

— Как это?

— Мы начали считать, что достигли вершины.

Атлан провёл рукой по листу дерева.

— А когда цивилизация начинает думать, что ей больше нечему учиться, она уже начинает умирать.

В тот вечер Атлан впервые предложил Гору отправиться на Остров.

До этого он никогда не говорил о таком.

Даже когда Гор спрашивал.

Даже когда слышал от других обрывочные рассказы о последнем владении фаэтонцев на Земле.

О месте, которое позднее люди назовут Атлантидой.

— Почему сейчас? — спросил Гор.

Атлан посмотрел в сторону далёкого горизонта.

— Потому что ты должен увидеть.

— Что?

— Не то, какими мы были.

Он сделал паузу.

— А то, какими мы могли стать.

Они отправились через несколько дней.

Путь был долгим.

Земля казалась бесконечной. Для Гора это было странное ощущение — он привык к точности расчётов и маршрутов Фаэтона, где любое движение корабля можно было предсказать заранее. Здесь же огромный мир жил своей жизнью.

Моря меняли цвет в зависимости от света.

Облака двигались непредсказуемо.

Стаи птиц могли внезапно изменить направление полёта.

Даже ветер казался живым.

И Гор впервые понял, почему Атлан так полюбил эту планету.

Земля была несовершенной.

Но именно поэтому она была прекрасной.

Когда впереди появился Остров, Гор долго молчал.

Он ожидал увидеть руины.

След погибшей цивилизации.

Но увидел город.

Не такой, как на Фаэтоне.

Другой.

Белые стены поднимались над зелёными долинами. Вода окружала городские кварталы, отражая солнечный свет. Огромные сооружения казались частью самой природы, будто их не построили, а вырастили.

Даже после гибели родной планеты фаэтонцы сохранили величие.

И именно это поразило Гора больше всего.

Они могли потерять мир.

Но не потеряли уверенность в себе.

— Красиво, — тихо сказал он.

Атлан посмотрел на него.

— Да.

В его голосе не было восхищения.

Только печаль.

— Но красота иногда бывает опасной.

Гор удивлённо посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что человек легко начинает путать красоту и право владеть.

На Острове их встретили.

Люди были в прозрачных шлемах, которые почти не отличались от тончайшего стекла. В солнечном свете вокруг их голов появлялось лёгкое сияние.

Гор невольно задержал взгляд.

Он сразу понял, почему спустя тысячи лет люди будут изображать своих богов именно так.

Но здесь никто не чувствовал себя богом.

По крайней мере, сначала.

Их провели через город к главному комплексу.

Там Гор впервые увидел то, о чём позже будут рассказывать легенды.

Огромные каменные блоки, которые двигались без усилий.

Машины, создающие поля, поднимали многотонные плиты так легко, словно они были сделаны из дерева.

Внизу работали земные люди.

Они смотрели вверх с изумлением.

Некоторые падали на колени.

Гор замер.

Он повернулся к Атлану.

— Они думают...

— Да, — тихо ответил Атлан.

— Что мы боги.

Атлан долго смотрел на людей внизу.

И впервые за всё путешествие в его голосе появилась настоящая горечь.

— Нет, Гор.

Он покачал головой.

— Они просто не знают, что перед ними такие же существа, как они.

Он посмотрел на сияющие машины.

— Вот с этого всё и начинается.

Гор ничего не ответил.

Потому что в этот момент понял: перед ним не просто город.

Перед ним была первая страница будущих легенд человечества.

Гор ещё долго стоял возле края террасы и смотрел вниз.

Он пытался понять, что именно тревожило его.

Ведь перед ним была величайшая сила, которую когда-либо видело человечество. Здесь не было жестокости. Не было открытого насилия. Люди работали, строили, слушали указания и получали помощь от тех, кто действительно обладал знаниями, недоступными им даже в самых смелых мечтах.

Если смотреть только на поверхность, всё выглядело правильно.

Разумная цивилизация помогала молодой расе подняться.

Разве не для этого они и прибыли на Землю?

Разве не этого хотел Атлан?

Но чем дольше Гор наблюдал, тем сильнее ощущал странное беспокойство.

Он видел лица землян.

Они смотрели на фаэтонцев не как на учителей.

Не как на равных.

Они смотрели с благоговением.

С надеждой.

С ожиданием чуда.

И в этом было что-то неправильное.

Потому что человек, который ждёт чуда, перестаёт искать собственный путь.

— Ты заметил? — тихо спросил Атлан.

Гор повернулся.

— Что?

— Их взгляды.

Атлан тоже смотрел вниз.

— Они уже не спрашивают, как это работает.

Он помолчал.

— Они спрашивают, кто это сделал.

Гор нахмурился.

— Но разве это плохо?

Атлан грустно улыбнулся.

— Сначала нет.

Он повернулся к нему.

— Но однажды люди перестанут искать знания и начнут искать хозяев.

Гор хотел возразить, но не смог.

Потому что уже видел это.

Не здесь.

Не среди детей Сада.

Но в выражениях лиц некоторых жителей Острова.

Они привыкли к тому, что их слушают.

К тому, что их слово имеет вес.

К тому, что рядом всегда находятся те, кто смотрит снизу вверх.

А это было опаснее любого оружия.

Позже они вошли в один из внутренних залов.

Гор ожидал увидеть ещё больше чудес.

Но вместо этого увидел обычную комнату.

Там стоял старый стол.

На нём лежали инструменты.

На стене были закреплены записи.

И всё это неожиданно напомнило ему Сад.

Он посмотрел на Атлана.

— Здесь тоже когда-то было так?

Атлан понял вопрос.

— Да.

— А потом?

Атлан подошёл к стене и провёл рукой по древнему символу.

— Потом люди начали думать, что знания принадлежат им.

Гор молчал.

— А разве они не принадлежат тем, кто их получил?

Атлан посмотрел на него.

— Нет.

Ответ прозвучал спокойно.

— Знания не принадлежат никому.

Он вздохнул.

— Они проходят через нас.

Гор запомнил эти слова.

Тогда он ещё не знал, насколько важными они станут.

Он смотрел на Остров.

На белые башни.

На людей.

На всё, что осталось от величия его народа.

— Ты грустишь? — спросил Гор.

Атлан не ответил сразу.

— Я думаю о том, что иногда самое трудное испытание для цивилизации — не гибель.

Он посмотрел на сияющий город.

— А возможность выжить.

Гор удивился.

— Почему?

— Потому что после гибели человек понимает, что потерял.

Атлан перевёл взгляд на землю и строения.

— А после спасения он может решить, что ему всё позволено.

В этот момент над городом прозвучал сигнал.

К нему приближался очередной корабль.

Гор поднял голову.

На его корпусе был знак Атлантиды.

Но вместе с этим знаком он увидел другое.

То, чего раньше не замечал.

Гор понял, что жители Острова строили не только дома.

Они строили память о себе.

Они хотели, чтобы будущие поколения не просто помнили их.

Они хотели, чтобы им поклонялись.

И где-то глубоко внутри Гор впервые почувствовал страх.

Не перед технологиями.

Не перед силой.

Перед мыслью.

Перед самой опасной мыслью, которая когда-либо появлялась у разумных существ:

"Мы знаем больше других. Значит, мы имеем право решать за них".

А далеко в Африке, среди зелёных полей Сада, оставались дети, которые ещё не знали ни о богах, ни о великих цивилизациях.

Они просто смотрели на звёзды.

И задавали вопросы.

Гор ещё долго смотрел вниз, где земные рабочие медленно поднимались с колен. Они не понимали, что произошло. Для них в этот миг исчезла граница между человеком и богом.

Атлан молчал.

Он словно смотрел не на людей, а сквозь время.

Перед его внутренним взором проходили тысячелетия. Он видел каменные храмы, воздвигнутые в честь тех, кто когда-то всего лишь владел знаниями, недоступными другим. Видел жрецов, объявлявших пришельцев с неба творцами мира. Видел бесчисленные войны, которые будут вестись во имя богов, никогда не желавших становиться богами.

И с горечью понимал, что остановить рождение этой легенды уже невозможно.

— Пойдём, Гор, — негромко произнёс он. — Нас ждёт губернатор.

Гор в последний раз посмотрел вниз, на людей, ещё не решавшихся поднять глаза, и сам не понял, почему сердце вдруг сжалось от тревоги.

Он ещё не знал, что эта встреча станет началом событий, которые всего через несколько лет навсегда разделят последних фаэтонцев.

Глава 3

Губернатор

Город встречал их непривычной тишиной. Она была совсем иной, чем в Саду. Там тишина рождалась из самой природы — шелеста листвы, журчания воды, далёких голосов детей, птиц и ветра. Здесь же она казалась созданной людьми. Словно каждый звук заранее знал своё место и не смел нарушить установленный порядок.

Пока они шли по широким светлым улицам, Гор всё чаще ловил на себе взгляды прохожих. Все без исключения были фаэтонцами. Их прозрачные шлемы почти не различались в солнечном свете, лишь вокруг головы возникало лёгкое сияние, которое позже человеческая память превратит в нимбы святых. Многие почтительно приветствовали Атлана, но в этих приветствиях не чувствовалось той сердечности, к которой Гор привык в Саду. Здесь приветствовали не человека. Здесь приветствовали одного из старейших представителей великой цивилизации.

— Они тебя уважают, — тихо сказал Гор.

Атлан едва заметно улыбнулся.

— Нет. Они уважают моё прошлое. Это совсем разные вещи.

Они подошли к огромному зданию, стоявшему на высокой скале над океаном. Оно не поражало размерами, хотя

было значительно больше всех остальных построек Острова. Поражало другое — его удивительная простота. Ни статуй, ни колонн, ни украшений. Гладкие светлые стены словно были выращены из единого куска неизвестного материала.

— Здесь живёт губернатор? — спросил Гор.

— Здесь он работает, — ответил Атлан. — Дом у него такой же, как у остальных.

Эти слова немного успокоили Гора. После увиденного ему уже начинало казаться, что руководитель Атлантиды должен жить во дворце.

Их встретил пожилой фэзтонец с совершенно белыми волосами. Его лицо казалось спокойным, почти доброжелательным, однако глаза оставались холодными и внимательными. Такими глазами, наверное, смотрят люди, привыкшие принимать решения, от которых зависят судьбы миллионов.

— Рад видеть тебя, Атлан, — сказал он, протягивая руку.

— И я рад нашей встрече, Эор.

Губернатор перевёл взгляд на Гора.

— Это тот самый помощник, о котором ты писал?

— Да.

— Молод. Очень молод.

Гор хотел ответить, но Атлан едва заметно коснулся его локтя.

«Наблюдай», — словно говорил этот жест.

И Гор стал наблюдать.

Губернатор пригласил их к огромному окну, из которого

открывался вид почти на весь город. Отсюда были видны и космопорт, и гавань, и стройка у самого побережья, где земные рабочие продолжали возводить очередную террасу.

В этот момент над стройкой вновь поднялся огромный каменный блок. Он медленно поплыл в воздухе, удерживаемый невидимым полем гравитационного генератора.

Эор проследил за взглядом Гора и усмехнулся.

— Впечатляет?

— Очень, — честно ответил тот.

— Земляне тоже впечатлены. Они работают гораздо усерднее, когда видят подобное.

Атлан медленно повернулся к губернатору.

— Именно это мне и не нравится.

Эор посмотрел на него с лёгким удивлением.

— Что именно?

— Ты прекрасно знаешь.

Наступила короткая пауза.

Губернатор подошёл к окну и некоторое время молча наблюдал за людьми внизу.

— Посмотри на них, Атлан. Они ещё совсем дети. Они не умеют строить, не умеют считать время, не знают даже простейших законов природы. Для них мы действительно похожи на богов. Разве мы виноваты в этом?

— Нет.

— Тогда в чём твои претензии?

Атлан долго не отвечал.

— В том, что некоторые начинают получать удовольствие от их поклонения.

Эор тихо рассмеялся.

— Ты по-прежнему идеалист.

— Возможно.

— А я стал реалистом.

Он снова посмотрел вниз.

— Любой народ ищет того, за кем можно идти. Так было всегда. Если не поведём мы, поведут другие. Менее достойные.

— Или они научатся идти сами.

Губернатор покачал головой.

— Вот поэтому мы никогда не понимали друг друга.

Гор слушал этот разговор и чувствовал странное смещение.

Никто не повышал голоса.

Никто никого не обвинял.

Перед ним стояли два мудрых человека, каждый из которых искренне желал добра Земле.

И всё же между ними пролежала пропасть.

Он ещё не мог понять, в чём она заключается.

Но уже чувствовал её так же ясно, как чувствуют приближение грозы задолго до первого раската грома.

За огромным окном медленно заходило солнце. Его лучи окрашивали океан в густой багровый цвет, и Гор вдруг поймал себя на мысли, что эта вода удивительно похожа на рас-

плавленный металл.

Почему-то ему стало тревожно.

За огромным окном медленно заходило солнце. Его лучи окрашивали океан густым багровым светом, и Гор вдруг поймал себя на мысли, что эта вода удивительно похожа на расплавленный металл.

Он перевёл взгляд на Атлана.

Учитель смотрел вдаль, туда, где за линией горизонта небо сливалось с океаном. На его лице не было тревоги. Только усталость человека, слишком хорошо знавшего цену знаниям и слишком плохо верившего в человеческое честолюбие.

Гор ещё не понимал, отчего этот день оставил в душе такой тяжёлый след.

Но впервые с тех пор, как они покинули Фаэтон, ему показалось, что вместе с ними на Землю прилетело не только великое наследие погибшей цивилизации.

Вместе с ними сюда прилетели и её ошибки.

Некоторое время они молча смотрели на город.

С высоты открывался почти весь Остров. За широкой бухтой, где покачивались грузовые платформы и небольшие шаттлы, начинались жилые кварталы. Среди деревьев белели аккуратные дома, между которыми не было ни высоких стен, ни ограждений. Вдали виднелись купола научных лабораторий, а ещё дальше — космопорт, где несколько кораблей ожидали очередного рейса.

Гор поймал себя на мысли, что после гибели Фаэтона именно здесь сильнее всего ощущалось дыхание родного мира.

Губернатор, словно угадав его мысли, улыбнулся.

— Красиво, не правда ли?

— Очень.

— Иногда мне кажется, что этот Остров — всё, что осталось от нашей цивилизации.

Он говорил спокойно, без пафоса, и в его голосе звучала такая же боль, какую Гор не раз слышал у Атлана.

— Каждый раз, когда я смотрю отсюда на океан, — продолжил губернатор, — мне кажется, будто за горизонтом по-прежнему существует Фаэтон. Что стоит только поднять корабль, и через несколько часов мы увидим наши города, наши леса, наши ледяные моря...

Он ненадолго замолчал.

— А потом вспоминаю, что лететь больше некуда.

В комнате повисла тяжёлая тишина.

Даже Атлан ничего не ответил.

Наверное, потому, что сказать было нечего.

Родину нельзя заменить.

Её можно только помнить.

Губернатор медленно подошёл к небольшому столику и налил прозрачный напиток в три невысоких бокала.

— За Фаэтон.

Они молча подняли бокалы.

Гор впервые видел, как Атлан пьёт этот напиток. Учитель сделал совсем маленький глоток и поставил бокал на стол.

— Ты почти не изменился, — с едва заметной улыбкой сказал губернатор.

— Мы оба почти не изменились.

— Внешне — да.

Губернатор внимательно посмотрел ему в глаза.

— А вот внутри... Не уверен.

Атлан спокойно выдержал его взгляд.

— Возможно.

— Раньше ты мечтал изменить Фаэтон.

— Раньше я ещё надеялся, что это возможно.

— А теперь?

— Теперь я пытаюсь не повторить его ошибок.

Губернатор тихо усмехнулся.

— Забавно. А я занимаюсь тем же самым.

Гор удивлённо посмотрел сначала на одного, потом на другого.

Если оба хотят одного и того же, почему между ними ощущается такое напряжение?

Будто каждый говорит об одном и том же, но вкладывает в эти слова совершенно разный смысл.

И только теперь Гор понял, что этот разговор начался задолго до его рождения.

Наверное, ещё тогда, когда Фаэтон был жив и никто даже представить себе не мог, что однажды от него останет-

ся лишь россыпь безымянных обломков, медленно летящих среди звёзд.

А древний спор, начавшийся там, пережил саму планету и теперь продолжался здесь, на маленьком острове посреди земного океана.

Согласен. Здесь действительно нельзя делать «сцену конфликта». Они не враги. Они люди одной погибшей цивилизации, которые прошли через одну катастрофу, потеряли один мир и просто пришли к разным выводам. Их разговор должен быть спокойным, почти дружеским — от этого он будет намного сильнее.

— Ты всё ещё веришь, что они смогут? — спросил губернатор.

Атлан посмотрел вниз, туда, где среди белых зданий двигались маленькие фигурки людей.

— Да.

— Даже сейчас?

— Особенно сейчас.

Губернатор задумался.

— Странно. После всего, что произошло с нами, я ожидал, что ты станешь осторожнее.

— Я стал осторожнее.

— Но не изменил своего мнения?

Атлан улыбнулся.

— Нет.

Некоторое время они сидели молча. Гор слушал их и чувствовал, что становится свидетелем не спора, а разговора двух старых друзей, которые слишком давно знают друг друга, чтобы пытаться победить в беседе.

Они не старались убедить друг друга.

Каждый просто говорил то, во что верил.

— Я много думал о Фаэтоне, — сказал губернатор. — Наверное, каждый из нас после катастрофы задавал себе один и тот же вопрос: где мы ошиблись?

Он посмотрел на свои руки.

— Я долго считал, что главная наша ошибка была в слабости. Мы позволили слишком многим принимать решения, от которых зависела судьба всей цивилизации.

Атлан слушал внимательно.

— Ты думаешь, что свобода стала причиной гибели?

— Нет.

Губернатор покачал головой.

— Не свобода. Безответственность.

Эти слова прозвучали неожиданно.

Гор даже немного удивился.

Он ожидал услышать совсем другое.

— Разве не так? — продолжил губернатор. — Мы обладали знаниями, которые могли изменить целые миры. Мы управляли энергиями, создавали новые формы жизни, могли продлить существование человека на тысячи лет. Но вместе с этим многие забывали, что любое решение имеет цену.

Атлан медленно кивнул.

— С этим я согласен.

— Вот видишь.

Губернатор улыбнулся.

— Мы всё ещё согласны больше, чем думаем.

— Возможно.

Атлан посмотрел на него.

— Но я боюсь другого.

— Чего?

— Что тот, кто берёт ответственность за всех, однажды перестает слышать тех, за кого отвечает.

Губернатор ничего не ответил.

Он просто посмотрел в окно.

Там, далеко внизу, земные рабочие продолжали строить новую террасу.

И среди них ходили дети.

Обычные дети.

Они не знали ни о Фаетоне, ни о спорах взрослых, ни о том, сколько надежд возлагали на них последние представители погибшей цивилизации.

Они просто жили.

Гор вдруг понял, что именно в этом и заключается главная разница между Атланом и губернатором.

Они оба хотели сохранить будущее.

Но Атлан видел в этих людях тех, кто однажды станет равным.

А губернатор видел тех, кого необходимо направить.

И, возможно, оба они были правы.

И именно поэтому их спор был таким трудным.

Потому что иногда самые опасные ошибки рождаются не из злых намерений.

А из желания сделать добро.

За окном медленно опускалось солнце.

На поверхности океана появлялись первые огни.

Город готовился к ночи, а Гор впервые подумал о странной вещи.

Может быть, настоящая история начинается не тогда, когда происходят великие открытия.

И не тогда, когда гибнут миры.

Может быть, она начинается в тот момент, когда разумное существо впервые получает власть над другим и решает, что ему лучше известно, как тот должен жить.

Они покинули Остров ранним утром, когда над океаном ещё лежала тонкая серебристая дымка. Небольшой корабль поднялся над водой почти бесшумно, и через несколько минут белые башни Атлантиды остались далеко позади.

Гор смотрел на удаляющийся Остров и думал о вчерашнем разговоре.

Ему казалось странным, что два таких мудрых существа могли видеть будущее настолько по-разному. Но чем больше он размышлял, тем яснее понимал: разница между ними была не в знаниях.

Она была в отношении к тем, кто этих знаний ещё не имел.

Атлан не говорил об этом прямо. Он вообще редко говорил о своих убеждениях как о правилах. Для него всё было очевидным — так же, как для человека очевидно, что нельзя причинять боль ребёнку.

Но Земля была не ребёнком.

Она была новым миром.

И на ней уже зарождалась жизнь, которая однажды могла превзойти своих создателей.

Когда корабль вошёл в атмосферу Африки, Гор увидел под собой бескрайние зелёные пространства. Реки извивались среди лесов, солнце отражалось в озёрах, а над равнинами медленно двигались стада животных.

— Красиво, — тихо сказал он.

— Да, — ответил Атлан. — Поэтому мы и должны быть осторожны.

Через некоторое время показались первые сооружения Сада.

Сверху они почти не были заметны. Не было огромных башен, сияющих городов или сооружений, которые могли бы напугать землян. Атлан специально выбрал другой путь.

Сад должен был выглядеть частью Земли.

Не чужим миром.

Не доказательством могущества.

А началом новой жизни.

Когда они вошли внутрь, Гор снова почувствовал то спокойствие, которого не было на Острове.

Здесь не было ощущения власти.

Здесь было ощущение труда.

В просторных залах учёные фаэтонцы работали рядом с первыми людьми. Они изучали строение их организма, наблюдали за развитием, обучали их самым простым вещам.

Не приказывали.

Объясняли.

Гор остановился у прозрачной стены и долго смотрел на детей, которые занимались неподалёку.

Они были ещё совсем маленькими.

Но в их движениях уже появлялось что-то новое.

Любопытство.

Желание понять.

— Они совсем не похожи на нас, — сказал Гор.

Атлан подошёл рядом.

— Пока.

— Но ты ведь создаёшь их такими, чтобы они стали похожими?

Атлан задумался.

— Я не создаю их копии.

Он посмотрел на детей.

— Я пытаюсь дать им возможность стать теми, кем они могут быть.

Гор улыбнулся.

— Но ты же изменяешь их тело.

— Да.

— Значит, всё-таки создаёшь.

Атлан посмотрел на него.

— Если садовник помогает ростку вырасти сильным, он разве создаёт дерево?

Гор не ответил.

Потому что понимал: вопрос был сложнее, чем казался.

Атлан подошёл к одному из рабочих столов, где лежали схемы будущих поселений.

На них были отмечены разные части Земли.

Тёплые побережья.

Большие равнины.

Острова.

Места, где новые люди смогут жить и развиваться самостоятельно.

— Через несколько лет первые группы покинут Сад, — сказал Атлан.

— Они будут готовы?

— Нет.

Гор удивился.

— Но тогда почему?

Атлан посмотрел на него.

— Потому что никто никогда не бывает полностью готов к жизни.

Он провёл пальцем по карте.

— Если мы будем ждать совершенства, они никогда не уйдут. Если мы будем держать их рядом с собой слишком долго, они никогда не станут самостоятельными.

За прозрачной стеной дети продолжали играть.

Они смеялись.

Они спорили.

Они учились.

И Гор вдруг понял, что перед ним происходит не просто научный эксперимент.

Перед ним рождалась история целого мира.

Но он ещё не знал, что через тысячи лет эти события будут вспоминать совсем иначе.

Не как работу учёных.

Не как осторожное создание нового вида.

А как приход богов с неба.

Прошло несколько лет.

Для фаэтонцев это был небольшой срок. Для людей, выросших в Саду, — почти вся жизнь, которую они помнили.

Они уже не были теми существами, которых когда-то нашли среди дикой природы. Они говорили, задавали вопросы, учились пользоваться инструментами, строили простые дома и пытались понять окружающий мир.

Но самое главное — они начали спорить.

Атлан часто говорил Гору, что именно этого он и ждал.

— Почему ты считаешь споры признаком развития? — однажды спросил его Гор.

Атлан улыбнулся.

— Потому что тот, кто никогда не сомневается, никогда не ищет.

В тот день, когда первая группа должна была покинуть Сад, Атлан долго стоял у посадочной площадки.

Небольшой корабль ждал у края леса. Он был совсем не похож на величественные суда Атлантиды. Не было необходимости показывать силу. Это был просто транспорт, который должен был доставить людей туда, где они начнут собственную историю.

Гор заметил, что Атлан молчит.

— Ты волнуешься?

— Да.

Ответ оказался настолько неожиданным, что Гор даже посмотрел на него.

— Ты?

Атлан посмотрел на него с лёгкой улыбкой.

— Почему тебя это удивляет?

— Я видел, как ты управлял сложнейшими системами Фаэтона. Видел, как ты работал с энергией, которую невозможно даже представить. Но сейчас ты переживаешь из-за нескольких десятков людей.

— Именно поэтому.

Он посмотрел на тех, кто стоял возле корабля.

— Машину можно заменить. Ошибочный расчёт можно исправить. А вот судьбу разумного существа уже нельзя вер-

нуть назад.

Гор запомнил эти слова.

Наверное, потому, что в них было больше мудрости, чем во всех знаниях, которые он получил за годы обучения.

Первая группа должна была отправиться далеко.

Не туда, где было удобнее фаэтонцам.

Туда, где люди смогут жить своим трудом.

Они выбрали остров, который через много тысячелетий получит название Тасмания.

Для людей будущего это будет просто далёкая земля среди океана.

Для Атлана это было началом.

Он ещё не знал, какие народы появятся из этих первых поселений. Не знал, какие языки будут звучать на Земле через тысячи лет. Не знал, будут ли потомки помнить тех, кто когда-то помог им сделать первый шаг.

Наверное, и не должен был знать.

Потому что помощь, которая требует вечной благодарности, уже перестаёт быть помощью.

Когда корабль поднялся, никто не произносил громких речей.

Не было торжественных клятв.

Не было обещаний помнить своих создателей.

Люди просто стояли у иллюминаторов и смотрели на уменьшающийся Сад.

Некоторые плакали.

Некоторые молчали.

А один мальчик долго смотрел на Атлана и вдруг спросил:
— Мы ещё увидим тебя?

Атлан подошёл ближе.

— Если вы захотите.

— А если мы забудем?

На мгновение Атлан замолчал.

Потом ответил:

— Тогда это будет означать, что мы сделали всё правильно.

Гор услышал эти слова и впервые понял, насколько сильно Атлан отличался от тех, кто хотел стать богом.

Тот, кто хотел поклонения, боялся быть забытым.

А тот, кто действительно создавал будущее, должен был однажды позволить уйти.

Корабль исчез среди облаков.

Атлан ещё долго смотрел ему вслед.

Позади оставался Сад.

Впереди была вся Земля.

И где-то далеко, среди холодных обломков погибшей родины, продолжали лететь остатки Фаэтона — пока ещё безымянные камни, которым предстояло однажды изменить историю сразу двух миров.

Атлан вернулся в Сад только вечером.

Солнце уже опускалось за далёкие холмы, и последние лучи ложились на деревья мягким золотым светом. Всё было

так же, как вчера. Те же дорожки, те же деревья, тот же шум воды в каналах, которые когда-то казались Гору частью фаэтонской технологии, а теперь почти слились с самой природой Земли.

Но что-то изменилось.

Впервые Сад показался ему пустым.

Не потому, что в нём стало меньше людей. Наоборот, здесь по-прежнему звучали голоса, кто-то смеялся, кто-то учился, кто-то спорил у рабочих столов, пытаясь понять очередную загадку мира.

Пустота была в другом.

Сегодня впервые часть созданного ими будущего ушла туда, где они уже не могли его контролировать.

Гор нашёл Атлана у старого дерева, которое тот когда-то посадил одним из первых.

— Ты жалеешь? — спросил он.

Атлан долго смотрел на молодые листья.

— Нет.

Он улыбнулся.

— Хотя, наверное, должен был бы.

— Почему?

— Потому что теперь они действительно стали самостоятельными.

Гор не сразу понял.

— Разве это не было твоей целью?

— Было.

Атлан провёл рукой по коре дерева.

— Но одно дело мечтать о будущем. И совсем другое — увидеть, как оно начинает жить без тебя.

Они долго молчали.

Над Садом зажигались первые звёзды. Среди них была одна особенно яркая, и Гор знал, что когда-то она была частью их родного неба.

Фазтон.

Теперь там уже не было городов.

Не было океанов.

Не было тех, кто когда-то называл эту планету домом.

Оставались только память и несколько тех, кто успел уйти.

— Как ты думаешь, — тихо спросил Гор, — они когда-нибудь узнают о нас?

Атлан посмотрел на звёзды.

— Возможно.

— А если забудут?

На этот раз он ответил не сразу.

— Тогда им будет легче.

Гор удивился.

— Легче забыть тех, кто дал им жизнь?

Атлан покачал головой.

— Легче жить, если ты не обязан всю жизнь смотреть вверх.

Эти слова остались у Гора в памяти.

Тогда он ещё не понимал, насколько мудрыми они были.

И насколько трудно будет тем, кто придёт после них, отличить благодарность от поклонения.

А далеко за пределами Земли продолжалось своё безмолвное движение.

Среди бесчисленных обломков погибшего мира медленно менялись траектории каменных исполинов. Они ещё не знали своих будущих путей. Ещё не знали, какие из них исчезнут в холодной пустоте космоса, а какие спустя тысячи лет станут посланниками погибшей планеты.

Один из них когда-то войдёт в историю Земли.

Но пока это был всего лишь маленький осколок мёртвого мира, летящий во тьме.

А в Саду продолжалась жизнь.

Глава 4

Чужая память

Сергей проснулся ещё до рассвета.

Несколько секунд он неподвижно лежал с закрытыми глазами, пытаясь понять, почему сердце бьётся так быстро. Сон уже ускользал, растворяясь в первых проблесках утра, но ощущение чужой жизни не исчезало. Оно продолжало жить где-то внутри, словно память о собственном детстве, только это детство принадлежало совсем другому человеку.

Он ясно помнил лицо Атлана.

Помнил шум листвы в Саду.

Помнил прозрачный шлем, который снимал лишь в герметичных помещениях, наполненных привычной для фаэтонцев атмосферой.

Помнил запах растений, которых никогда не существовало на Земле.

Сергей резко сел на кровати.

— Чёрт...

Он провёл ладонями по лицу и невольно посмотрел на кончики пальцев.

Ему вдруг показалось, что совсем недавно они управляли гравитационным инструментом, удерживавшим в воздухе каменную глыбу весом в десятки тонн.

Мысль была настолько нелепой, что он даже усмехнулся.

Но улыбка быстро исчезла.

Это были не фантазии.

Фантазируя, человек придумывает.

А он...

Он вспоминал.

Именно это слово пугало сильнее всего.

Не снилось.

Не привиделось.

Не показалось.

Вспоминал.

Сергей медленно подошёл к окну. Над сирийской равниной только начинался рассвет. Первые лучи солнца окрашивали древние холмы мягким золотистым светом, и раскоп, где ещё вчера была обнаружена странная подземная камера, казался совершенно обычным археологическим объектом.

Если бы не одно обстоятельство.

Этой камеры там не должно было быть.

Ни по одной из существующих исторических периодизаций.

Ни по одному из культурных слоёв.

Она словно оказалась под древним поселением ещё до того, как само поселение возникло.

Сергей поймал себя на странной мысли.

Он больше не называл её «камерой».

Где-то в глубине сознания всплыло другое слово.

Станция.

И он не смог бы объяснить, откуда его знает.

В дверь постучали.

— Сергей Николаевич, вы уже проснулись?

Это был начальник экспедиции.

— Да, заходите.

Профессор вошёл, неся в руках кружку с дымящимся кофе.

— Ну как самочувствие? Врач сказал, что ночью температуры не было.

— Всё нормально.

— Голова?

— Уже почти не болит.

Профессор внимательно посмотрел на него.

— А память?

Сергей удивился.

— В каком смысле?

— После укола ты минут десять вообще не понимал, где находишься.

Говорил какие-то странные слова.

— Какие?

Профессор пожал плечами.

— Никто не понял.

Что-то вроде...

Он на секунду задумался.

— «Не позволяйте им становиться богами.»

Сергей почувствовал, как по спине медленно пробежал

холод.

Именно эту фразу он слышал ночью.

Нет...

Не слышал.

Он сам произнёс её.

Только не сейчас.

Много тысяч лет назад.

Он вдруг отчётливо увидел перед собой лицо Атлана.

Тот стоял на высокой террасе Атлантиды и смотрел вниз, где люди впервые падали на колени перед пришельцами.

И говорил совсем тихо, словно самому себе:

— Стоит человеку однажды поверить, что перед ним бог, и он перестаёт искать истину.

Картина исчезла так же внезапно, как появилась.

Сергей схватился рукой за край стола.

— Вам плохо?

— Нет...

Он тяжело перевёл дыхание.

— Просто... кажется, я начинаю что-то вспоминать.

Профессор внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал.

Археологи не любят поспешных выводов.

Они знают, что самые невероятные открытия почти всегда начинаются с маленькой странности, которую сначала хочется просто забыть.

Однако ни Сергей, ни профессор ещё не подозревали, что

найденная под сирийской землёй комната была построена вовсе не для того, чтобы её когда-нибудь обнаружили.

Она терпеливо ждала только одного человека.

И дождалась.

Профессор ушёл, осторожно прикрыв за собой дверь.

Сергей ещё некоторое время стоял неподвижно, глядя в окно. Лагерь постепенно просыпался. Между палатками уже ходили рабочие, у походной кухни звенела посуда, над раскопом медленно поднимался лёгкий утренний туман.

Всё было привычным.

Настолько привычным, что произошедшее вчера казалось почти невозможным.

Любой здравомыслящий человек давно объяснил бы всё обычным сотрясением мозга, реакцией организма на неизвестное вещество или банальной галлюцинацией.

Сергей тоже попытался так сделать.

Он сел за стол, открыл ноутбук и машинально начал просматривать фотографии, сделанные во время раскопок.

Вот общий вид холма.

Вот верхний культурный слой.

Вот остатки стен позднего поселения.

Вот момент, когда георадар показал под ними странную прямоугольную пустоту.

А вот снимок самой комнаты.

Он увеличил изображение.

Совершенно гладкие стены.

Ни единого следа обработки привычным инструментом.

Никаких стыков.

Никаких швов.

Словно помещение было не построено, а целиком отлито из одного монолита.

Сергей невольно нахмурился.

Почему вчера это не бросилось ему в глаза?

Он приблизил снимок ещё сильнее.

На поверхности стены едва заметно проступали тончайшие линии.

Не трещины.

Не царапины.

Скорее...

какая-то структура самого материала.

И вдруг он понял, что уже видел её.

Не здесь.

Совсем в другом месте.

Перед глазами неожиданно вспыхнула картина.

Высокий светлый зал.

Атлан проводит ладонью по такой же стене и говорит совсем молодому Гору:

— Запомни. Мы не строим. Мы выращиваем материал. Он рождается сразу таким, каким нам нужен.

Воспоминание оказалось настолько отчётливым, что Сергей непроизвольно ответил вслух:

— Да, Учитель...

Он вздрогнул.

Комната была пуста.

Никто не мог услышать этих слов.

И всё же он почувствовал неловкость, словно действительно только что разговаривал с человеком, умершим многие тысячи лет назад.

Сергей медленно закрыл ноутбук.

Нет.

Так больше продолжаться не может.

Если это болезнь, её необходимо понять.

Если последствия вчерашнего укола — нужно выяснить, что именно попало в его кровь.

А если...

Он не договорил даже мысленно.

Слишком невероятным казалось всё остальное.

Через несколько минут он уже спускался к раскопу.

У входа в найденное помещение дежурил молодой сотрудник сирийской службы древностей.

Увидев Сергея, он приветливо улыбнулся.

— Доброе утро. Вас как раз искал профессор.

— Потом.

— Он просил никого пока не пускать внутрь.

Сергей кивнул.

Это было совершенно разумное распоряжение.

Любая подобная находка сначала подробно документиру-

ется, и только потом начинаются исследования.

Он уже собирался отойти, когда совершенно случайно посмотрел вниз.

Прямо возле входа в камеру из земли выглядывал маленький округлый предмет.

Не больше ореха.

Вчера его здесь не было.

Сергей присел.

Осторожно смахнул кисточкой пыль.

Из земли показался идеально гладкий металлический шарик матово-серебристого цвета.

Без следов коррозии.

Без единой царапины.

Словно он пролежал здесь не тысячи лет.

А всего одну ночь.

И в то самое мгновение, когда пальцы Сергея прикоснулись к его поверхности, внутри сознания будто повернулся ещё один невидимый ключ.

Он вдруг совершенно точно понял одну вещь.

Это устройство не принадлежало найденной комнате.

Оно было оставлено здесь специально.

Для него.

От этой мысли кровь застыла в жилах.

Потому что впервые за всё время Сергей испугался не того, **что вспоминает невозможное.**

Он испугался другого.

Кто-то много тысяч лет назад знал, что однажды он сюда придёт.

Сергей так и не поднял металлический шарик.

Он сидел на корточках, не сводя с него глаз, и никак не мог избавиться от странного ощущения, что стоит сделать одно неосторожное движение — и мир вокруг снова перестанет быть тем миром, к которому он привык.

За спиной послышались шаги.

— Что там?

Это подошёл профессор.

Сергей молча указал кисточкой на находку.

Профессор присел рядом и несколько секунд внимательно рассматривал предмет.

— Любопытно... Вчера его здесь точно не было.

— Я тоже так думаю.

— Значит, осыпался грунт.

Сергей не ответил.

Грунт действительно мог осыпаться. В этом не было ничего необычного. Но отчего тогда его не покидало чувство, что этот маленький металлический шарик лежит именно там, где и должен был лежать?

Словно кто-то заранее рассчитал место с точностью до сантиметра.

Профессор осторожно поддел находку тонкой лопаткой.

Шарик неожиданно легко вышел из земли.

На его поверхности не было ни налёта, ни следов време-

ни. Он выглядел так, будто несколько минут назад его отполировали.

— Потрясающе... — негромко произнёс профессор. — Если анализ покажет, что это действительно пролежало здесь тысячи лет, нам придётся переписывать половину учебников.

Сергей машинально протянул руку.

Едва шарик коснулся его ладони, как где-то глубоко внутри возникло странное чувство узнавания.

Не памяти.

Именно узнавания.

Так человек спустя много лет берёт в руки давно забытую вещь и ещё раньше, чем вспоминает, кому она принадлежала, уже знает, что когда-то держал её тысячи раз.

Пальцы сами собой повернули шарик.

Совершенно машинально.

Без всякого усилия.

Что-то тихо щёлкнуло.

Профессор вздрогнул.

— Ты это видел?

Сергей медленно раскрыл ладонь.

Шарик изменился.

Теперь по его поверхности проходили тонкие светящиеся линии, складывавшиеся в сложный геометрический рисунок.

Никакого свечения вокруг не возникло.

Не было ни лучей, ни фантастических голограмм.

Лишь едва заметное серебристое мерцание, словно внутри металла проснулась жизнь.

— Это невозможно... — прошептал профессор.

Сергей почти не слышал его.

Он смотрел на рисунок и понимал, что уже видел его.

Не вчера.

Не в музее.

Не на фотографии.

Когда-то очень давно.

Перед внутренним взглядом всплыла широкая ладонь Атлана.

Учитель точно так же держал небольшой металлический шар.

Только тот был значительно крупнее.

— Никогда не доверяй памяти машины, Гор, — говорил тогда Атлан. — Машину можно разрушить. Можно украсть. Можно заставить солгать. Настоящая память должна жить здесь.

И он коснулся ладонью груди молодого помощника.

— Пока жив хотя бы один носитель памяти, цивилизация ещё не умерла.

Воспоминание исчезло так же внезапно, как возникло.

Сергей тяжело выдохнул.

На этот раз он уже не испугался.

Наоборот.

Ему вдруг стало совершенно ясно, что происходящее подчиняется какой-то системе.

Кто бы ни создал эту подземную станцию, он не оставлял случайностей.

Ни капсула.

Ни саркофаг.

Ни этот странный металлический шар не были рассчитаны на первого попавшегося человека.

Они ждали того, кто сумеет их узнать.

Профессор осторожно коснулся его плеча.

— Сергей...

— Да?

— Откуда ты узнал, как его открыть?

Сергей медленно поднял на него глаза.

Он хотел ответить.

Хотел честно сказать, что не знает.

Но слова почему-то не произнеслись.

Потому что где-то в самой глубине сознания уже родилась мысль, от которой становилось не по себе.

Он не открыл это устройство.

Его руки просто повторили движение, которое когда-то выполняли бесчисленное количество раз.

И именно это пугало сильнее всего.

Профессор, бережно завернув металлический шарик в мягкую ткань, уже собирался передать его одному из сотрудников экспедиции, чтобы тот отнёс находку в лабораторный

контейнер, когда Сергей неожиданно попросил:

— Разрешите... ещё минуту.

В голосе его не было ни волнения, ни той настойчивости, которая обычно появляется у человека, пытающегося добиться своего во что бы то ни стало. Скорее это была странная уверенность, происхождение которой он и сам не смог бы объяснить.

Профессор внимательно посмотрел на него и, поколебавшись несколько секунд, молча протянул свёрток.

— Только осторожно.

Сергей кивнул и снова взял шарик в ладонь.

Металл оказался неожиданно тёплым. Не настолько, чтобы это можно было считать невозможным, но всё же теплее утреннего воздуха. Казалось, предмет каким-то образом сохранял собственную температуру, не желая подчиняться окружающей среде.

Он медленно поворачивал его между пальцами, разглядывая едва заметные линии, пересекавшие поверхность. Теперь они уже не казались случайным узором. В их расположении чувствовался порядок, настолько сложный, что человеческий глаз не мог уловить его сразу. Сергей сам не заметил, как начал прослеживать кончиками пальцев одну из тонких дорожек, затем другую, потом третью, словно пытался прочесть текст, написанный неизвестным алфавитом.

И вдруг его охватило удивительное чувство.

Так иногда бывает с музыкантом, который после многих

лет молчания случайно касается клавиш рояля и неожиданно обнаруживает, что пальцы сами находят нужные ноты раньше, чем успевает вмешаться сознание.

Именно это сейчас происходило с ним.

Он не думал, что делает.

Руки двигались сами.

Они осторожно повернули шарик на какой-то едва заметный угол, затем ещё раз, после чего большой палец легко нажал на участок, который ничем не отличался от остальной поверхности.

Раздался почти неслышный щелчок.

Профессор невольно шагнул вперёд.

Однако ничего необычного не произошло. Не вспыхнул свет, не раздался загадочный гул, не открылись скрытые механизмы. Изменение было настолько тонким, что его можно было бы и не заметить.

По серебристой поверхности медленно пробежала едва различимая волна, словно металл на мгновение стал жидким, а затем снова застыл. После этого узор, покрывавший шарик, изменился. Линии уже не переплетались хаотично. Теперь они складывались в фигуру, удивительно напоминавшую спираль, внутри которой располагались ещё несколько спиралей, уходявших одна в другую до бесконечности.

Сергей смотрел на этот рисунок и чувствовал, что где-то в глубине памяти начинает шевелиться давно забытое знание. Оно ещё не оформилось в слова, но уже перестало быть

смутным ощущением.

Ему вдруг стало совершенно ясно, что перед ним вовсе не украшение и не элемент конструкции.

Так обозначали память.

Не человеческую память.

Память рода.

Память цивилизации.

И в ту же секунду перед его внутренним взором промелькнула картина, настолько яркая, что окружающий мир словно на мгновение перестал существовать.

Он увидел длинный светлый стол в лаборатории Сада. За этим столом стоял Атлан, а рядом с ним — молодой Гор, внимательно наблюдавший за тем, как учитель медленно проводит ладонью над несколькими такими же металлическими сферами.

— Запомни, — говорил тогда Атлан спокойным, почти негромким голосом, — знания можно записать на любом носителе. Но память личности нельзя доверять машине. Машина сохранит слова. Она сохранит изображения. Она сохранит расчёты. Но она никогда не сохранит человека.

Тогда Гор, ещё совсем молодой и уверенный, что впереди у них тысячи спокойных лет, улыбнулся и спросил:

— Значит, эти сферы бесполезны?

Атлан тоже улыбнулся, но в глазах его появилась печаль.

— Нет. Они только открывают дверь. А войти в неё может лишь тот, кто уже однажды прошёл этим путём.

Сергей вздрогнул так сильно, что едва не выронил находку.

Воспоминание оборвалось.

Но на этот раз оно не исчезло бесследно.

Впервые он почувствовал, что начинает вспоминать не отдельные картины прошлого, а самого себя — того человека, которым когда-то был.

Сергей ещё долго сидел неподвижно, не выпуская металлическую сферу из рук. Он уже почти перестал замечать голоса, доносившиеся со стороны раскопа, и только теперь понял, что профессор несколько раз окликнул его по имени.

— Сергей... Ты меня слышишь?

Он медленно поднял голову.

— Простите... Задумался.

Профессор внимательно посмотрел ему в глаза.

За долгие годы археологических экспедиций он привык замечать малейшие перемены в людях. Работа на раскопках требовала терпения, внимательности и крепких нервов. Человек, способный часами очищать кисточкой древний черепок, редко впадал в истерику или поддавался необъяснимым фантазиям. Именно поэтому нынешнее состояние Сергея тревожило его всё сильнее.

— Тебе лучше сегодня отдохнуть. Я понимаю, что находка необычная, но после вчерашнего происшествия организм вполне мог дать такую реакцию.

Сергей хотел было согласиться, однако неожиданно для

самого себя произнёс совсем другое:

— Мы ищем не там.

Слова вырвались настолько естественно, словно он продолжал давно начатый разговор.

Профессор недоумённо нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

Сергей несколько секунд молчал. Он и сам не понимал, почему вдруг сказал именно это. Но чем дольше он смотрел в сторону открытого помещения, тем сильнее становилось странное чувство, похожее не на догадку, а на уверенность человека, который просто знает дорогу к собственному дому.

— Это помещение никогда не было главным, — медленно произнёс он. — Его построили не для жизни и даже не для работы. Оно... выполняло совсем другую задачу.

— Какую?

Сергей устало провёл рукой по лицу.

— Не знаю.

Он действительно не знал. Вернее, не мог выразить словами то, что возникало в сознании. Где-то глубоко внутри уже существовал ответ, но он был похож на изображение, проступающее сквозь густой туман. Очертания угадывались, а разглядеть их было невозможно.

Они медленно пошли вдоль края раскопа. Солнце поднялось уже довольно высоко, и древняя земля, потревоженная археологами, быстро высыхала под его лучами. Рабочие про-

должали осторожно выбирать грунт, стараясь не повредить ни одного камня, ни одной кости, ни одного предмета, который мог пролежать здесь многие тысячелетия.

Сергей остановился у самого края котлована и долго смотрел вниз.

Неожиданно ему показалось, что он уже видел это место.

Нет, конечно, не сам холм. Тогда его ещё не существовало. Перед глазами возник совсем другой пейзаж.

Ровная каменистая равнина уходила к самому горизонту. Вдалеке синели невысокие горы, а между ними серебристой лентой извивалась молодая река. Воздух был чище, небо казалось выше, а земля выглядела почти нетронутой человеком.

И именно здесь стоял Атлан.

Он долго всматривался в окружающую местность, словно примеряясь к будущему, после чего негромко сказал:

— Когда-нибудь здесь появятся города.

Гор тогда невольно улыбнулся.

Перед ними лежала почти пустая земля. Не было ни дорог, ни храмов, ни крепостей. Лишь ветер гнал по равнине сухую траву, а в небе медленно кружили большие птицы.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

Атлан поднял небольшой прибор, напоминавший тонкую прозрачную пластину. На ней непрерывно менялись какие-то линии и светящиеся точки.

— Я не знаю, — ответил он после долгого молчания. —

Я только очень надеюсь, что мы не ошиблись, выбирая для них этот мир.

Тогда Гор не понял смысла этих слов.

Ему казалось, что самое трудное уже осталось позади. Фатон погиб, немногие спасшиеся нашли убежище, Сад растёт, люди взрослеют, а впереди лежат столетия спокойной работы.

Он ещё не знал, что судьба умеет ждать.

Иногда очень долго.

И потому самые страшные удары наносятся именно тогда, когда человек окончательно поверил, будто опасность уже осталась в прошлом.

Профессор заметил, что Сергей всё чаще смотрит не на открытую камеру, а куда-то левее, туда, где раскоп ещё даже не начинался. Там лежал ничем не примечательный участок земли, покрытый плотным, давно не тревоженным слоем грунта. Георадар несколько раз проходил над этим местом, но ничего заслуживающего внимания не показал.

— Что ты всё время туда смотришь? — наконец спросил он.

Сергей не ответил сразу.

Он медленно спустился по деревянному настилу, пересёк раскоп и остановился возле небольшого выступа скальной породы, едва заметно выходявшего из земли. Несколько секунд он молча рассматривал камень, потом присел и провёл ладонью по его шероховатой поверхности.

Со стороны это выглядело странно.

Словно человек пытался вспомнить дорогу к дому, в котором не был очень много лет.

Профессор подошёл ближе.

— Что-нибудь нашёл?

Сергей покачал головой.

— Пока ничего.

Он поднялся, сделал несколько шагов вправо, затем неожиданно остановился так резко, будто наткнулся на невидимую стену.

Ему показалось, что воздух вокруг стал другим.

Нет, не холоднее и не теплее.

Просто... знакомым.

Такое ощущение невозможно объяснить человеку, который никогда не возвращался в места своего детства. Иногда память узнаёт пространство раньше, чем сознание успевает понять, отчего сердце начинает биться чаще.

Сергей медленно поднял голову.

Перед глазами на мгновение исчез раскоп.

Исчезли палатки.

Исчезли автомобили экспедиции.

На их месте возникла широкая равнина, залитая ярким солнцем. Здесь не было ни единого человеческого жилища. Только ветер качал высокую траву, а вдалеке темнела полоска леса.

Рядом стоял Атлан.

Он внимательно смотрел на тот самый каменный выступ, возле которого сейчас находился Сергей.

— Здесь, — негромко сказал он тогда. — Именно здесь.

— Но почему? — спросил молодой Гор. — До моря очень далеко.

Атлан улыбнулся.

— Именно поэтому.

Он наклонился, поднял с земли небольшой камень и бросил его в сторону.

— Через тысячи лет береговая линия изменится. Реки уйдут в другие русла. Народы будут строить и разрушать города. Здесь появятся десятки культурных слоёв. Люди станут искать прошлое совсем в других местах.

Он положил ладонь на скалу.

— А этот выход породы останется. Он слишком глубокий, чтобы исчезнуть. Он и будет нашим ориентиром.

Картина растворилась так же неожиданно, как возникла.

Сергей обнаружил, что стоит, прижав ладонь к камню.

Профессор внимательно наблюдал за ним.

— Что случилось?

Сергей медленно убрал руку.

Он ещё несколько секунд смотрел себе под ноги, словно проверяя собственные мысли, потом поднял глаза.

— Не знаю, почему я это говорю... — тихо произнёс он.

— И, наверное, прозвучу сейчас сумасшедшим... Но если бы это был мой раскоп, я продолжил бы работы именно здесь.

Профессор невольно улыбнулся.

— Только потому, что тебе так кажется?

Сергей покачал головой.

— Нет.

Он долго подбирал слова.

— Потому что... мне кажется, что когда-то я уже видел это место.

Профессор ничего не ответил.

Археология не терпит поспешности. Она знает слишком много примеров, когда невероятная догадка оказывалась ошибкой, и слишком много случаев, когда именно странная, почти необъяснимая интуиция приводила к открытиям, изменявшим представление о прошлом.

Он ещё раз посмотрел на каменный выступ, затем перевёл взгляд на Сергея и негромко сказал:

— Хорошо. Завтра утром заложим здесь разведочный шурф.

Сергей молча кивнул.

Он не испытывал ни радости, ни удовлетворения.

Его тревожило совсем другое.

Он вдруг с пугающей ясностью понял, что только что указал место не потому, что догадался.

Он указал его потому, что когда-то сам выбирал его вместе с Атланом.

Но если это было правдой...

Кто же тогда такой Гор?

Глава 5

То, чего не должно существовать

На следующий день работа началась ещё до восхода солнца.

Профессор, несмотря на свой скепсис, всё же не смог избавиться от любопытства. Он не любил признавать влияние случайных догадок на научные решения, но за годы работы прекрасно усвоил одну простую истину: иногда человек замечает нечто важное не потому, что обладает особым знанием, а потому, что его подсознание раньше разума соединяет множество мелких деталей, которые сознание пока не успело осмыслить.

Именно поэтому он не стал спорить с Сергеем.

Был заложен небольшой разведочный участок возле каменного выступа, который до этого считался совершенно бесперспективным. Несколько рабочих осторожно снимали верхний слой земли, а специалисты фиксировали каждое изменение грунта.

Сергей наблюдал за ними молча.

Ему самому было трудно объяснить, почему он испытывает такое странное напряжение.

Он не ждал находки.

Он почти боялся её.

Потому что где-то глубоко внутри уже существовало зна-

ние о том, что они найдут.

Не подробности.

Не форму.

Но сам факт.

Через несколько часов один из рабочих остановился и позвал профессора.

— Здесь что-то есть.

Все сразу подошли ближе.

Под тонким слоем земли показалась гладкая поверхность, которая сначала выглядела как обычный камень. Однако после осторожной очистки стало понятно: это было не природное образование.

Материал имел слишком ровную структуру.

Слишком правильные линии.

Слишком необычный цвет.

Профессор долго рассматривал его, затем снял очки и протёр их, словно надеялся, что усталость мешает ему правильно видеть.

— Это невозможно...

Сергей почувствовал, как внутри всё сжалось.

Эти слова он уже слышал.

Вчера.

Сегодня.

И, кажется, очень давно.

Рабочие продолжали очищать поверхность, пока перед ними постепенно не появилась часть стены.

Но самое удивительное было не это.

В стене находилась дверь.

Не каменный вход, не грубо вырубленный проход, какие встречались в древних сооружениях.

Именно дверь.

Гладкая.

Цельная.

Без петель.

Без ручки.

Словно её не открывали руками.

Профессор подошёл к ней почти вплотную.

— Этого здесь быть не может.

Он говорил тихо, скорее самому себе.

— Этот слой относится к периоду, когда люди ещё не могли создавать ничего подобного.

Сергей смотрел на дверь и чувствовал, как внутри него поднимается странное воспоминание.

Он уже видел её.

Но не как археолог.

Как человек, который однажды стоял перед ней и знал, что находится за ней.

Перед глазами мелькнула фигура Атлана.

Только теперь он увидел не лабораторию.

Он увидел этот самый вход.

Атлан приложил ладонь к поверхности, и дверь открылась без единого звука.

— Запомни, Гор, — сказал он тогда. — Мы оставляем это не для тех, кто ищет власть.

— А для кого?

Атлан посмотрел на него.

— Для тех, кто однажды задаст правильный вопрос.

Воспоминание исчезло.

Сергей снова оказался в настоящем.

— Сергей?

Он обернулся.

Профессор смотрел на него внимательно.

— Ты что-то хотел сказать?

Сергей понял, что несколько секунд стоял с закрытыми глазами.

— Нет.

Он хотел добавить: «Я знаю, как её открыть».

Но промолчал.

Потому что именно это пугало его больше всего.

Он действительно знал.

Не предполагал.

Не угадывал.

Знал.

И всё же дверь оставалась закрытой.

Они ещё не пытались её открыть. Профессор категорически запретил любые действия до полной фиксации находки, и Сергей был ему даже благодарен за это.

Ему нужно было время.

Впервые за последние сутки ему хотелось не получить ответы, а отложить их.

Потому что за этой дверью находилось не просто помещение.

За ней находилась часть его собственного прошлого.

Только он пока ещё не мог признаться себе в этом.

А далеко отсюда, среди бесконечного пространства времени, словно слабый отзвук давно ушедшей эпохи, продолжала жить одна мысль, оставленная много тысяч лет назад: память может спать.

Но она никогда не умирает.

За это время специалисты успели провести все необходимые исследования, сделать десятки фотографий, взять образцы материала и убедиться в том, что перед ними действительно находится нечто, не укладывающееся ни в одну известную археологическую классификацию.

Самое удивительное заключалось даже не в самом сооружении.

Удивляло отсутствие следов времени.

Каменные города исчезают, металл ржавеет, дерево превращается в пыль, даже самые прочные сооружения постепенно уступают воздействию природы. Но эта дверь выглядела так, словно её закрыли совсем недавно.

Она не была древней.

Она была просто старой.

И это было гораздо страшнее.

Древность имеет своё объяснение. Она принадлежит прошлому, которое уже известно и изучено. Но предмет, созданный неизвестной цивилизацией и сохранившийся в идеальном состоянии, заставляет задуматься о том, что в истории человечества могли существовать страницы, о которых никто даже не подозревал.

Профессор несколько раз пытался найти рациональное объяснение происходящему.

Он говорил о неизвестном древнем сплаве, о потерянных технологиях, о возможной ошибке в датировке слоя.

Все эти предположения имели право на существование.

Кроме одного.

Он никак не мог объяснить, почему Сергей смотрит на эту дверь так, будто встречает старого знакомого.

Когда наконец пришло разрешение открыть помещение, внутри присутствовали только несколько человек из экспедиции.

Сергей стоял немного в стороне.

Он сам попросил не делать его первым, кто войдёт.

Профессор удивился.

— Я думал, ты будешь настаивать.

Сергей слабо улыбнулся.

— Именно поэтому и не хочу.

— Почему?

Он посмотрел на закрытый проход.

— Иногда страшнее всего узнать то, что уже знаешь.
Профессор не стал спрашивать, что он имеет в виду.
Он видел, что Сергей и сам не понимает собственных слов.

Когда механизм двери был активирован и именно Сергеем, никто не услышал привычного скрежета камня или звука работающего механизма. Поверхность просто стала прозрачной на несколько секунд, словно исчезла сама граница между внешним и внутренним пространством.

За ней оказался небольшой зал.

Не храм.

Не гробница.

Не помещение для жизни.

Скорее — место хранения.

Вдоль стен находились несколько углублений, в которых когда-то лежали неизвестные устройства. Большинство из них исчезло, вероятно, давно вынесенное теми, кто имел доступ к этому месту.

Но несколько предметов остались.

В центре помещения стоял саркофаг.

Сергей замер.

Он ожидал увидеть что угодно.

Но только не это.

Потому что в тот момент, когда он увидел гладкую поверхность древнего устройства, его сознание словно открыло ещё одну дверь.

Он вспомнил.

Не картинку.

Не отдельный разговор.

А ощущение.

Ощущение человека, который когда-то стоял рядом с этим саркофагом.

Он знал, для чего он предназначен.

Он знал, почему его создали.

И самое страшное — он знал, кто лежал внутри.

— Что с тобой? — тихо спросил профессор.

Сергей не ответил.

Он медленно подошёл ближе.

На поверхности саркофага не было никаких надписей. Никаких знаков. Никаких символов, которые могли бы рассказать о его владельце.

Но Сергей уже чувствовал, что где-то внутри этого предмета скрыта часть ответа.

Не о древнем народе.

Не о неизвестной цивилизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.